

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-174-240

УДК 93/94

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. В данном номере журнала, посвященном первым лицам в истории и политике, мы не могли обойти вниманием сам феномен политического лидерства и вопросов, связанных с контекстом появления лидеров/вождей, особенностей их становления, влияния окружения и системы. Исследователи феномена политического лидерства не могут не вспомнить о советских лидерах (в нашем случае, о лидерах позднесоветского этапа) и сложившихся в современной историографии из образов, тем более что в 2024 г. отмечается 100-летие со дня смерти вождя мирового пролетариата В.И. Ленина. Подобного рода даты дают возможность еще раз подумать и обсудить вопросы, связанные с проблемой политического лидерства. Участники дискуссии также рассматривают проблему, связанную с образом политического лидера. Одни авторы рассматривают вопрос использования в легитимации политического лидера образов прошлого и влияния мемориальной культуры на его позицию. В тоже время предпринята попытка в ходе дискуссии рассмотреть образ лидера через соотношение власти между ним и политической элитой. Для других авторов важным видится прояснение особенностей образа политического лидера в современном национальном государстве и его трансформации. Но всем авторам было важно показать процесс становления лидера и влияние на это различных обстоятельств. В целом, можем отметить, что «образ» в ходе дискуссии становится общей объединяющей мыслью, ибо любой лидер — это в первую очередь «образ лидера», а не сам человек как таковой.

Обращаясь к вопросу политического лидерства, каждый исследователь может дать свой ответ на вопрос о сущности власти, наиболее значимых лидерских качеств, обозначить свое понимание классификации политического лидерства, степени влияния на нее различных обстоятельств, ситуаций и отдельных личностей. Намеренно нами были заданы именно эти вопросы, каждый из которых сам по себе может стать основой для новой дискуссии, темы конференции или фундаментальной монографии. Мы не дадим исчерпывающих ответов на них, но нам хотелось бы еще раз прояснить позиции философов и историков относительно вопросов о сущности и характерных чертах политического лидера в исторической ретроспективе на основе рассмотрения различных кейсов, связанных как с историей России, так и историей развития зарубежных стран.

Ключевые слова: политический лидер, политическое лидерство, образ лидера, исторические аналогии, власть и общество.

Вопросы дискуссии:

1. Насколько исторически изменчив и зависим от культурного контекста образ политического лидера? Можем ли мы выделить некоторую совокупность черт и характеристик, являющихся вневременной константой, производных от самой сути человека как социального существа, а не от облика эпохи, национальных традиций, конкретных обстоятельств и ситуаций? Является ли политический лидер творцом политической системы или в большей степени её заложником.
2. Мы одним и тем же словом называем и предводителей первобытных племен, и политических лидеров новейшего времени, преимущественно – авторитарных. Означает ли это, что при всем многообразии исторически засвидетельствованных форм политической организации, феномен «вождизма» сохраняется в относительно неизменном виде на протяжении всей человеческой истории? Или в этом заключается специфика XX века (архаизация и ремифологизация политической культуры, о чем писал Е.М. Мелетинский), коль скоро минувшее столетие дало такое обилие типажей фюреров, дуче, каудильо и прочих отцов нации?
3. «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно» – этот афоризм, восходящий к суждению барона Дж. Дальберг-Актона, растиражирован настолько широко, что считается едва ли не трюизмом. Но означает ли это, что моральная деградация политического лидера – непреложный социальный закон, явление неизбежное и столь же прочно сопряженное с властью, сколь и очевидное? Или стоит вспомнить, что в оригинале высказывание звучит несколько иначе: «Власть имеет свойство развращать...»? Соответственно, правомерна ли постановка вопроса о (не)возможности сопротивления политического актора развращающему воздействию власти? Насколько репрезентативен эталонный образ «скромного диктатора» Луция Цинцинната – это исторический и политический миф или вполне реальный сценарий политического действия?
4. Можно ли считать противостояние лидеров-антагонистов в различные исторические эпохи драйвером политических процессов, и насколько они влияли на складывание новых политических систем? Не является ли сама по себе борьба за власть и конкуренция лидеров, при том, что она неизбежно порождает конфликты, а нередко и кровопролитие, фактором, хотя бы отчасти сдерживающим деструктивное воздействие власти на личность лидера?
5. Какова роль ближайшего окружения в карьерном продвижении политических лидеров и воплощении ими своих программ? Всегда ли «короля играет свита», и то, что предстает пред взором общества в свете рамп – всего лишь суммарный вектор волей и устремлений «серых кардиналов» и теневых лидеров, кукловодов и покровителей, конфиденгов и прочих «фигур второго плана»? Или первые лица, соединяя властный ресурс с интеллектом, волей и иными незаурядными качествами, вполне способны быть творцами истории, кардинально менять вектор ее развития? Что можно считать правилом, а что исключением из него?
6. Насколько сходны между собою представления о лидерстве и властной харизме в российской и зарубежной политической культуре? Что больше роднит отечественную традицию с Западом, а что – с Востоком? Или прав был Ф.И. Тютчев – у России «особенная статья», и ее исторический опыт не может быть в полной мере вписан ни в один из цивилизационных паттернов?

Участники дискуссии:

Траина Джуство, доктор истории, профессор, Университет Сорбонна, Дом исследований (Maison de la Recherche).

Архипова Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет.

Айриян Радмила Сергеевна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет,

Бассак Артем Олегович, отделение Российского исторического общества в Оренбургской области, Оренбургский государственный педагогический университет.

Любичанковский Сергей Валентинович, профессор, доктор исторических наук Оренбургский государственный педагогический университет, Отделение Российского исторического общества в Оренбургской области

Аникин Даниил Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Пономарева Мария Александровна, доктор исторических наук, директор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет

Цитирование: Траина Дж., Архипова Е.В., Айриян Р.С., Бассак А.О., Любичанковский С.В., Аникин Д.А., Пономарева М.А. Проблема политического лидерства в исторической ретроспективе // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 174–240. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-174-240 / Giusto Traina, Arkhipova E.V., Ayriyan R.S., Bassak A.O., Lyubichankovsky S.V., Anikin D.A., Ponomareva M.A. The Problem of Political Leadership in Historical Retrospective, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 3. Pp. 174–240. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-174-240.

© Траина Дж., Архипова Е.В., Айриян Р.С., Бассак А.О., Любичанковский С.В., Аникин Д.А., Пономарева М.А., 2024

THE PROBLEM OF POLITICAL LEADERSHIP IN HISTORICAL RETROSPECTIVE

Abstract. This issue dedicated to political leaders in history and politics. We cannot ignore the phenomenon of political leadership itself and issues related to the context of the emergence of leaders/chiefs, the peculiarities of their formation, the influence of the environment and the system, etc. Researchers of the phenomenon of political leadership cannot help but recall the Soviet leaders (in our case, the leaders of the late Soviet period) and the images that have developed in modern historiography, especially since 2024 marks the 100th anniversary of the death of the leader of the world proletariat V.I. Lenin. Such dates provide an opportunity to once again discuss issues related to the problem of political leadership. The participants in the discussion also analyse the problem related to the image of a political leader. Some authors consider the issue of using images of the past in legitimizing a political leader and the influence of memorial culture on his position. At the same time, an attempt was made during the discussion to consider the image of a leader through the relationship of power between him and the political elite. Other authors consider it important to clarify the features of the image of a political leader in a modern national state and its transformation. Other authors found it important to show the process of becoming a leader and the influence of various circumstances on it. In general, we can note that the “image” in the course of the discussion becomes a common unifying thought, because any leader is, first of all, an “image of a leader”, and not the person as such. Addressing the issue of political leadership, each researcher can give his own answer to the question about the essence of power, the most significant leadership qualities; outline his understanding of the classification of political leadership, the degree of influence of various circumstances, situations and individuals on it. Intentionally we asked these questions, each of which may itself be the basis for a new discussion, a conference topic or a fundamental monograph. We will not give exhaustive answers to them, but we would like to once again clarify the positions of philosophers and historians regarding the questions of the essence and characteristic features of a political leaders in historical retrospect based on the consideration of various cases related to both the history of Russia and the history of the foreign countries.

Keywords: political leader, political leadership, image of a leader, historical analogies, power and society.

Discussion questions:

1. To what extent is the image of a political leader historically variable and dependent on the cultural context? Can we single out a certain set of features and characteristics that are a timeless constant, derived from the very essence of man as a social being, and not from the appearance of the era, national traditions, specific circumstances and situations? Is a political leader the creator of a political system or, to a greater extent, its hostage?
2. We call by the same word both the leaders of primitive tribes and political leaders of modern times, mainly authoritarian ones. Does this mean that, with all the diversity of historically attested forms of political organization, the phenomenon of “leadership” has remained relatively unchanged throughout human history? Or is this the specificity of the twentieth century (archaization and remythologization of political culture, as E.M. Meletinsky wrote about), since the past century has produced such an abundance of types of Fuhrers, Duce, Caudillo and other fathers of the nation?
3. “Power tends to corrupt, absolute power corrupts absolutely” – this aphorism, dating back to the judgment of Baron J. Dahlberg-Acton, has been so widely disseminated that it is considered almost a truism. But does this mean that the moral degradation of a political leader is an immutable social law, an inevitable phenomenon and as firmly associated with power as it is obvious? Or is it worth remembering that in the original the statement sounds somewhat different: “Power tends to corrupt ...”? Accordingly, is it legitimate to pose the question about the (im)possibility of a political actor’s resistance to the corrupting influence of power? How representative is the standard image of the “modest dictator” Lucius Cincinnatus – is it a historical and political myth or a very real scenario of political action?
4. Can the confrontation of antagonist leaders in different historical eras be considered a driver of political processes, and to what extent did they influence the formation of new political systems? Isn’t the struggle for power and competition between leaders in itself, given that it inevitably gives rise to conflicts and often bloodshed, a factor that at least partially restrains the destructive impact of power on the personality of the leader?
5. What is the role of the immediate environment in the career advancement of political leaders and the implementation of their programs? Is “the king always played by the retinue”, and what appears before the public eye in the limelight is just the total vector of the wills and aspirations of the “gray cardinals” and shadow leaders, puppeteers and patrons, confidants and other “second-tier figures”? Or are the first persons, combining the resource of power with intellect, will and other outstanding qualities, quite capable of being creators of history, radically changing the vector of its development? What can be considered the rule, and what is the exception to it?
6. How similar are the ideas about leadership and power charisma in Russian and foreign political culture? What makes the national tradition more akin to the West, and what to the East? Or was F.I. Tyutchev right – Russia has a “special character”, and its historical experience cannot be fully integrated into any of the civilizational patterns?

Discussants:

Giusto Traina, Phd, Full Professor, Sorbonne University, Maison de la Recherche, 28 Rue Serpente 75006 Paris, France.

Arkhipova Ekaterina V., Candidate of Science (History), Head of the Department of History and International Relations, Volgograd State University.

Ayriyan Radmila S., Candidate of Science (History), Chief of Department of World History and International Relations, Southern Federal University.

Bassak Artyom O., Department of the Russian Historical Society in the Orenburg Region, Orenburg State Pedagogical University.

Lyubichankovsky Sergey V., Doctor of Science (History), Professor, Orenburg State Pedagogical University, Department of the Russian Historical Society in the Orenburg Region.

Anikin Daniil A., Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of History and Theory of Politics at Lomonosov Moscow State University.

Ponomareva Maria A., Doctor of Science (History), Director of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-180-190

УДК 94 (37)

«РИМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» КАК МОДЕЛЬ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА И ВОЖДИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Траина Джусто

Университет Сорбонна,

Париж, Франция

giusto.traina@gmail.com

Аннотация. В данной статье проблема политического лидерства и вождизма проанализирована через призму концепции «римской революции», представленной в одноименной монографии Рональда Сайма, описывающей сложные процессы трансформации общества и государства от поздней республики к ранней империи. Достоинство данной объяснительной модели заключается в том, что через конкретику римской истории можно проинтерпретировать все ключевые тенденции, свойственные подобным радикальным общественным трансформациям, равно как и роль политических лидеров в таких катаклизмах. При этом разные аспекты концепции Р. Сайма позволяют охватить практически все стороны проблемы, отраженные в вопросах, сформулированных инициаторами дискуссии. Мы начнем анализ с рассмотрения фазы поздней республики, когда на политической сцене действовали такие лидеры, как Помпей и Цезарь, помножившие свое политическое влияние на военные достижения и таланты. Это придало им харизму, которая позволила навязать собственные правила игры, шедшие вразрез с традиционными устоями, и проложить путь к принципату. В связи с тем, что политическая борьба традиционно рассматривается в качестве специфической формы социальной «игры», мы обратимся к разработанной в рамках квалиметрических исследований концепции «равновесия Нэша», позволяющей по-новому взглянуть на кульминационное событие «римской революции» — убийство Цезаря. Мы также остановимся на важности интеллектуальной операции, которую Поль Вен назвал учетом «инвентаря различий»: данный подход позволяет моделировать процессы макро-исторического масштаба на основе анализа конкретных кульминационных моментов, не допуская анахронистических выводов и шатких обобщений.

Ключевые слова: политическое лидерство, вождизм, диктатура, Римская республика, принципат, равновесие Нэша.

THE ROMAN REVOLUTION AS THE MODEL FOR ANALYZING THE PROBLEM OF POLITICAL LEADERSHIP AND CHIEFTAINCY IN A HISTORICAL CONTEXT

Traina Giusto

Universiy Paris-Sorbonne (Paris IV)

Paris, France

giusto.traina@gmail.com

Abstract. The paper deals with the problem of political leadership and chieftaincy analyzed through the prism of the concept of the Roman revolution, presented in the monograph under the same name by Ronald Syme, describing the complex processes of transformation of society and the state from the late Republic to the early Empire. The advantage of this explanatory model lies in the fact that through the specifics of Roman history it is possible to interpret all the key trends inherent in such radical social transformations, as well as the role of political leaders in these cataclysms. At the same time, various aspects of the concept of R. Syme's theory make it possible to cover almost all sides of the issue, formulated by the initiators of the discussion. We shall begin the analysis by considering the phase of the late republic, when leaders such as Pompey and Caesar acted on the political scene, multiplying their political influence on military achievements and talents. It gave them charisma allowing to impose their own rules of the game, which went against traditional principles, and pave the way to the Principate. Due to the fact that political struggle is traditionally considered as a specific form of social 'game', we turn to the concept of *Nash equilibrium* developed within the framework of qualimetric studies, which allows to re-examine the culminant event of the Roman revolution – Caesar's assassination. We shall also focus on the importance of an intellectual operation, which Paul Veyne called taking into account of the 'inventory of differences': this approach allows to model processes of a macro-historical scale based on the analysis of specific culminating moments, avoiding anachronistic conclusions and shaky generalizations.

Keywords: political leadership, chieftaincy, dictatorship, Roman republic, Principate, Nash equilibrium.

Цитирование: Траина Дж. «Римская революция» как модель анализа проблемы политического лидерства и вождизма в историческом контексте // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 180–190. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-180-190 / Traina G. The Roman Revolution as the Model for Analyzing the Problem of Political Leadership and Chieftaincy in a Historical Context, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 3. Pp. 180–190. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-180-190.

© Траина Джусто, 2024

Редакторами журнала «Новое прошлое» выдвинута весьма продуктивная идея рассмотреть проблему политического лидерства и «вождизма» через призму исторической и литературной метафоры «первого человека в Риме», отсылающей к знаменитой серии романов К. Маккалоу об эпохе гражданских войн, предшествовавших становлению Принципата Августа. Предлагаю продолжить это начинание, взяв в качестве еще одной фокусной точки другой знаковый текст об этом же времени, но не художественный, а научный. Речь идет о классической монографии великого британского историка Рональда Сайма (*Ronald Syme*), в основу которого автором была положена историческая концепция, вынесенная в заглавие этой книги: «Римская революция» [Syme, 1939].

Отвечая на первый вопрос дискуссии, приведем в качестве характерного примера исторической изменчивости представлений о политическом лидере и лидерстве одну из ключевых фигур «Римской революции» Гнея Помпея Магна, чьи достижения были куда больше, чем обычные военные и дипломатические заслуги, необходимые для достойной общественной репутации римского полководца. Поддерживаемый своими советниками (среди которых был великий Варрон), Помпей сумел открыть новую эру в римском империализме, благодаря геополитическому предвидению, в чем можно увидеть явную параллель между ним и Александром Македонским (вопреки плутарховской традиции сравнения последнего с Цезарем, а Помпея — с Агесилаем [Плутарх, 1987, с. 237–360, 361–494]). И действительно, Гней Помпей вполне заслужил эпитет *Magnus*, несмотря на фиглярские насмешки Шекспира над «трижды великим Помпеем» в комедии «Бесплодные усилия любви» [Шекспир, 1937, с. 120–124, 130–131]. В свою очередь, шекспировская оценка была язвительно процитирована Марксом в его знаменитом письме к Энгельсу от 27 февраля 1861 г., где Помпей предстает там как «настоящая дрянь (*reiner Scheißkerl*)» и, по сравнению с Цезарем, «ничтожество (*Lauskerl*)». В конце этого письма Маркс кратко сообщает Энгельсу о своем чтении «Гражданских войн» Аппиана «для отдыха» [Маркс, 1963, с. 125], характеризуя Помпея следующим образом: «...Он нискал незаслуженную славу только благодаря тому, что присвоил себе успехи Лукулла (против Митридата), затем успехи Сертория (в Испании) и т.п., наконец, в качестве “юного наперсника” Суллы и т.д. Как полководец, он — римский Одилон Барро. Едва ему пришлось показать себя в борьбе против Цезаря, как обнаружилось его полное ничтожество. Цезарь совершал крупнейшие военные ошибки, намеренно несуразные, чтобы сбить с толку противостоящего ему филистера. Любой заурядный римский полководец, какой-нибудь Красс, раз шесть разбил бы Цезаря во время войны в Эпире. Но с Помпеем можно было все себе позволить. Шекспир, когда писал комедию “Бесплодные усилия любви”, по-видимому, имел уже некоторое представление о том, чем Помпей был в действительности». [Маркс, 1963, с. 126].

Это суждение весьма несправедливо. Сравнение с французским политиком Барро надуманно, а ссылка на Сертория ошибочна. Возможно, замечания Маркса намекают на то, что Гегель возвеличивал Помпея и Цезаря в своих «Лекциях по философии истории», прочитанных в 1822–1830 гг. и окончательно опубликованных

в 1837 г., уже после смерти философа. В этом наброске исторического континуума «мы видим в Помпее и Цезаре двух враждебных друг другу блестящих представителей (*Glanzpunkte*) Рима» [Гегель, 1993, с. 332], которые в итоге оказались лицом к лицу: Помпей, защитник республики, поддерживаемый сенаторами, в конце концов был переигран Цезарем, опиравшимся на его легионы и превосходство своего гения. Вот вам и цицероновское *cedant arma togae*¹: вводя новую форму правления, Цезарь, как некий *deus ex machina*, в результате открыл новую главу истории. Однако, по мнению Гегеля, его антагонист был не менее великим человеком. И действительно, Гней Помпей Великий вполне заслужил свое прозвище, несмотря на балаганные насмешки Шекспира над «трижды великим Помпеем», ехидно процитированные Марксом.

Комедия «Бесплодные усилия любви» представляет собой сценическую фарсовую реинтерпретацию средневекового сюжета «Девяти достойных» — идеала рыцарской доблести, воплощенного в образах «трех язычников, трех иудеев и трех христиан» [Хейзинга, 2011, с. 122]. Но в комедии, в отличие от канонической версии этого сюжета, в тройке античных персонажей Цезаря заменяет доведенный до гротеска Помпей в исполнении шута Башки. Однако исторический Помпей был все-таки трагическим, но отнюдь не комическим персонажем. Тем не менее, непрекаемый авторитет Моммзена узаконил уничижительную оценку Помпея («неплохой и небездарный, но совершенно заурядный человек» [Моммзен, 1997, с. 43]) как политика, начисто лишенного — особенно в сравнении с Цезарем — какого-либо организаторского таланта. Таким образом, пример Помпея показывает не только историческую изменчивость образов политических лидеров, но и зависимость оценок их достижений от мнений — порой весьма пристрастных — влиятельных историков, мыслителей и поэтов.

Задаваясь вопросом о степени тождественности или, наоборот, изменчивости представлений о «вождизме» в разные эпохи, следует помнить о том, что, как писал великий французский историк Поль Вен (Paul Veune), «постоянно меняющиеся практики порождают ... постоянно меняющиеся объективации, образы» [Вен, 2003, с. 379]. И это требует от историка постоянной расшифровки источников, нацеленной на то, что Вен в своей инаугурационной лекции очень точно определил, как учет «инвентаря различий» между исследуемой эпохой и современностью [Veune, 1976, p. 13–14]. В частности, римский *dictator* — отнюдь не современный «диктатор». В ситуации такой непрерывной проверки аналогий и различий исследователям Античности не всегда легко вести диалог с «модернистами» — историками, изучающими Новое и новейшее время. Но, как показывает данная дискуссия, он не совсем невозможен.

Важным аспектом проблемы лидерства является диалог вождя с народными массами. Поздняя республика была великой эпохой лидеров, которых называли популярями (*populares*). Как известно, это расплывчатое и неоднозначное определение: на самом деле существовала не столько идеология *popularis*, сколько политический

¹ Пусть военачальники уступят власти сената (буквально: «Пусть оружие уступит место тоге»).

пракис популизма, который осуществлялся посредством трансгрессивных и провокационных действий, а то и откровенной демонстрации силы. Наиболее очевидным аспектом этой практики является использование театральности: такие видные популяры, как Помпей и Цезарь, способствовали расширению практики зрелищ в Риме, в то же время придавая политической сцене все больше зрелищности.

В этом отношении показательным примером являются переговоры между Помпеем, Крассом и Цезарем в апреле 56 г. до н.э. Эти три человека собрались в Лукке, чтобы возобновить договоренности так называемого Первого триумvirата, и случай позволил им превратить келейную встречу в публичное мероприятие. По словам Плутарха, в Лукку, дабы полюбоваться Цезарем, «устремилось множество мужчин и женщин и среди прочих — двести сенаторов (в их числе Помпей и Красс), так что у дверей дома Цезаря можно было увидеть сто двадцать ликторских связок, различных лиц в консульском и преторском ранге» [Плутарх, 1987, с. 326]. Эта театрализованная концентрация власти и престижа, очевидно, должна была продемонстрировать полное согласие между народом и политическими лидерами.

Одним из следствий формирования такого политического климата стало развитие искусства риторики. Многие римляне практиковали и ценили напыщенное и величественное красноречие, которое Цицерон называл *genus orationis Asiaticum* (со ссылкой на малоазийское происхождение классиков этого стиля), противопоставив ее умеренной строгости аттической традиции [Cicero, 1907, p. 282]. Римские аристократы, к тому времени привыкшие уже думать не только на латыни, но и на греческом, сравнивали этих ораторов с некоторыми афинскими демагогами времен Пелопоннесской войны, которые использовали театральную риторику, что вряд ли соответствовало римскому представлению о *boni cives* — «добрых» (добропорядочных, достойных) гражданах.

С установлением диктатуры Цезаря фактическая потеря свободы изменила правила политического поведения: то, что современный историк Эмилио Джентиле (Emilio Gentile) называет *democrazia recitativa* (актерской демократией) [Gentile, 2003], превратилось в диалог между толпой и единственным лидером. Чтобы проиллюстрировать данное изменение, можно вспомнить эпизод с Луперкалиями. По случаю этого праздника, за месяц до мартовских ид (15 марта) 44 г. до н.э., Цезарь публично отверг царскую диадему, предложенную Марком Антонием. Многие *boni cives*, начиная с Цицерона, расценили это как доказательство того, что в стране установилась фактическая монархия. На самом деле, инцидент с Луперкалиями, похоже, не был должным образом исследован: остается открытым вопрос о том, было ли это просчетом Антония, жестом бессмысленного раболепия, притворством, согласованным с Цезарем, или, действительно, провокацией. Таким образом, даже в пределах римской истории представления о лидерстве и «вождизме» — отнюдь не константа, равно как «конституционная» диктатура ранней республики, воплощенная в образе Цинцината, мало похожа на диктатуры эпохи гражданских войн. Разумеется, в более широких темпоральных границах эта изменчивость проявляется с еще большей очевидностью.

Римская история, опять-таки, может послужить надежной путеводной нитью наших размышлений на тему еще одного вопроса дискуссии — о значении борьбы между лидерами-антагонистами как драйвера политического развития. Обратимся к обстоятельствам, приведшим к гибели Гая Юлия Цезаря. Рональд Сайм писал в одной из глав своей знаменитой книги: «Правительство может в своих интересах изобретать заговоры: в случае невозможности скрыть внутренний кризис, оно фальсифицирует симптомы. Большая часть реальной истории Принципата — тайная история» [Syme, 1939, p. 479]. Этим интригующим и наводящим на размышления выражением Сайм указал на то, что скрывается за внешней видимостью и характерно для всех эпох, независимо от того, какой тип власти доминирует в то или иное время.

Проверить это предположение можно на примере убийства Цезаря, совершенного в Риме во время заседания сената в мартовские иды 44 г. до н.э. В связи с этим заслуживает внимания суждение Бертольта Брехта из его «Рабочего дневника», проливающее свет на замысел незавершенного романа «Дело господина Юлия Цезаря»: «Работая над “Цезарем” — это я открыл теперь, — я ни одного мгновения не вправе думать, что все должно было произойти так, как произошло» [Брехт, 1976, с. 211]. Неожиданное продолжение этой мысли мы находим в недавнем исследовании, проведенном экономистом Режи Делошем (Régis Déloche) и математиком Бертраном Креттезом (Bertrand Crettez).

Они решили взглянуть на драматические события мартовских ид через призму «клиометрического анализа», применив к свидетельствам источников профиль стратегий из теории игр, известный, как «равновесие Нэша» (Nash equilibrium). Данный подход назван по имени разработавшего его гениального математика Джона Нэша (John Nash), который за свои исследования по теории игр был удостоен Нобелевской премии по экономике 1994 г. Многим этот великий ученый знаком как главный персонаж фильма «Игры разума» в исполнении неподражаемого Рассела Кроу.

Согласно концепции Нэша, игра может быть описана в терминах стратегий, которым следуют ее участники: равновесие в ней существует до тех пор, пока ни один из игроков не пытается улучшить свое положение в одностороннем порядке. Для того чтобы изменить правила игры, необходимы скоординированные действия ее участников: ни один из участников не может изменить их в одиночку и не согласен, чтобы другой поступил также. Однако политическая борьба как правило представляет собой пример нескоординированной (или недружественной — non-cooperative) игры, в которой «каждый игрок пытается обмануть другого относительно истинной природы своих намерений» [Déloche, Crettez, 2018, p. 4].

Теперь, в «чистом» сценарии равновесия Нэша, мы должны были бы также принять теоретически логичную, но исторически невероятную гипотезу, восходящую к «Жизни двенадцати цезарей» Светония, согласно которой Цезарь, предупрежденный о заговоре своей женой и прорицателями (сюжет, достойный особого анализа), словно дразнил судьбу, явившись на заседание сената, тем самым фактически

совершив самоубийство («У некоторых друзей осталось подозрение, что Цезарь сам не хотел дольше жить» [Светоний, 1964, с. 33]).

Наперекор этой версии Делош и Креттез (которые ранее провели аналогичное исследование обстоятельств убийства итальянского политического лидера Альдо Моро [Crettez, Déloche, 2009]) осуществили комплексный анализ источников о событиях мартовских ид на основе концепции «равновесия Нэша». В итоге, они пришли к выводу, что версия Светония о фатальной предопределенности заговора и суицидальном поведении Цезаря, пренебрегшего предупреждениями и пошедшего навстречу смерти, неверна. Оказалось, что ближе к истине Брехт и Шекспир, описавший в трагедии «Юлий Цезарь» нерешительность и колебания Брута. Математические расчеты подтверждают версию двух драматургов, оценивая вероятность его присоединения к заговорщикам как $\frac{3}{4}$ [Crettez, Déloche, 2018, p. 15].

Но как же тогда понять поведение Цезаря в последние часы его жизни? Выходит, дело вовсе не в суицидальных намерениях, а в ошибке политического прогноза: будучи лидером рационального типа, хотя и склонного к риску, Цезарь предвидел заговор, но знал о колебаниях его участников. Он лишь ошибся в оценке вероятности того, что Брут и Кассий все-таки договорятся. И тут мы подходим ко второй части разгадки, в чем нам может помочь Аппиан, автор исторического труда «Гражданские войны». Живший во II в. н.э., в условиях, когда от *res publica* осталось очень мало республиканского, он подверг резкой критике ностальгические идеалы противников Цезаря: «Они полагали, что теперешний народ — подлинно римский, такой еще, каким, они знали, он был при древнем Бруте, уничтожившем царскую власть. Но они не сознавали, что им приходилось рассчитывать на два друг другу противоположных настроения, т. е. чтобы окружающие их любили свободу и, одновременно, за плату служили их интересам. Последнее было более существио, так как нравы гражданские были тогда сильно испорчены» [Аппиан, 1935, с. 142].

Итак, можно заключить, что ошибка Цезаря заключалась в его *чрезмерной* рациональности: он знал о заговоре, но, очевидно, в самом факте его существования видел для себя определенные выгоды (о чем, как было сказано ранее, писал Рональд Сайм), но проигнорировал предупреждения, поскольку оценивал эту угрозу как маловероятную, ибо твердо знал, что римский народ на его стороне. Таким образом, трагический финал Цезаря показывает, что противостояния лидеров-антагонистов (как реальные, так и «придуманные»), действительно, играют важнейшую роль в формировании новых политических реалий, и они могут быть описаны в категориях концепции «равновесия Нэша».

Проблема «фигур второго плана», на которой сфокусирован еще один вопрос дискуссии, чрезвычайно актуальна для изучения римской политической истории. Современный исследователь уже не может довольствоваться рассмотрением только самых знаменитых людей (таких, как увековеченные Плутархом в «Параллельных жизнеописаниях»), и мы научились изучать период Триумvirата, принимая во внимание всю совокупность граждан, тех сенаторов и всадников, которые составляли «последнее поколение» Республики. В самом деле, именно охват всех деятелей

Республики дает возможность, следуя по пути, обозначенном в книге Рональда Сайма, оценить социально-политические изменения, определившие переход от Республики к Принципату, выйдя за рамки клише и литературных образов. Короче говоря, понять «римскую революцию».

Изучая биографии не только главных героев «римской революции», но и малоизвестные фигуры, Сайм смог воспользоваться преимуществами систематического исследования просопографии¹ римской аристократии для реконструкции политических и социальных сетей того периода, вплоть до формирования новой «августейшей аристократии». Историк с большим вниманием относился к роли аристократии в эпоху «римской революции», сосредоточившись на функционировании и механизмах сетевой коммуникации внутри этого слоя. По сути, пред принимавшиеся до Сайма исследования по истории римского государства основывались лишь на анализе политических профилей более или менее значимых лидеров, что давало ограниченное представление о быстро меняющемся социальном организме.

Разумеется, литературные тексты, выражающие точку зрения аристократии, составляют основу источниковой базы, однако любая история римской революции, основанная только на этих текстах, неизбежно оказывается условной. Поэтому, как мы уже отмечали, крайне важно открыть неизвестных протагонистов, настоящих тайных героев переходного периода от Республики к Принципату. Например, представителей городского плебса или армии. Как писал Арнальдо Момильяно (Arnaldo Momigliano) в своей рецензии на книгу Сайма, его труд – «это не только анализ римских партий, но и развернутая интерпретация Принципата Августа в целом» [Momigliano, 1940, p. 77], тогда как у предшественников Сайма «Римская революция была сведена к борьбе между фракциями. Против этого следует возразить, что римская монархия не была делом рук персонажей, статьи о которых можно было бы поместить в энциклопедию “Pauly-Wissowa”², а скорее обязана своим существованием малоизвестным людям, италийцам или провинциалам, имя которым – легион» [Momigliano, 1940, p. 78].

На самом деле римская аристократия находилась в то время под еще большим влиянием масс, чем в предшествующие эпохи – как жителей средиземноморских мегаполисов и в первую очередь Рима, так и солдат. Представители консервативного лагеря весьма болезненно реагировали на эту ситуацию, осуждая тех лидеров фракций, которые своим демагогическим красноречием манипулировали народом и армией. Но это не было улицей с односторонним движением: народная реакция также могла влиять на постоянные политические перевороты. Кассий Дион, писатель и политик II в. н.э., как истинный консерватор, сожалел о таком социальном

---

¹ Под просопографией как особой формой исторического исследования понимается создание своего рода «коллективного портрета» социальной страты или группы с учетом биографий, карьеры, семейных и политических связей ее представителей.

² Общепринятое сокращенное именование «Реальной энциклопедии науки о классической древности» (Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft), издание которой было начато в 1837 г. Августом Паули, а с 1890 г. продолжено Георгом Виссова.

дрейфе, при котором исход политических дебатов в значительной мере зависел от мнения народа. О простолюдинах и их переменчивости как факторе политической дестабилизации он писал, что «в своем раздражении против людей, попеременно приходивших к власти, они постоянно поддерживали более слабую сторону и пытались с ее помощью свергнуть другую; затем они отдалялись и от этой стороны. Так, поочередно ревнуя к обеим партиям, они то любили, то ненавидели, то возвышали, то унижали одних и тех же людей» [Dio, 1916, p. 428].

Кассий Дион был прав, характеризуя подобным образом роль народных масс, несмотря на прискорбную тенденцию грекоязычных историков артикулировать свое отношение к ним посредством выбора понятий «народ» (δῆμος) и «толпа» (πλῆθος) в зависимости от того, приписывается ли простолюдинам положительная или отрицательная роль в контексте событий. Точно так же вожди должны были обращать внимание на реакцию солдат. Современные исследования подчеркивают сложное взаимодействие между аристократией и армией: солдаты, а также ветераны были настоящими действующими лицами периода триумvirата. Постоянно находясь под воздействием харизмы своих лидеров, они могли влиять на их решения и союзы.

В конечном счете «римская революция» была прежде всего делом рук лидеров фракций, которые в Риме умели говорить с народом и производить на него впечатление зачастую вызывающе демонстративными жестами, а во время военных кампаний были скорее полководцами, чем гражданами Рима: было замечено, что солдаты проявляли больше преданности своим военачальникам, чем родине. В этом отношении особенно показательно следующее суждение Аппиана об истоках «тогдашнего безначалия»: «Причинами его было и то, что полководцы занимали свои должности по большей части, как это бывает в период междоусобных войн, не на основании выборов, а также и то, что войска набирались не по установленным издревле воинским спискам и не для нужд всей родины, служили не для общественного блага, а в интересах только тех, кто их в войска зачислял; да и им они служили, подчиняясь не силе закона, а потому, что их привлекали данные отдельными лицами обещания; и сражались они не против врагов всего государства, а против врагов отдельных лиц, не против чужеземцев, а против равноправных с ними сограждан» [Аппиан, 1935, с. 286].

Лидеры политических фракций были прежде всего полководцами, которые подпитывали свой престиж все более впечатляющими военными кампаниями. Реконструкция (часто гипотетическая) сетей римской аристократии, основанная на просопографическом методе, рискует уделить меньше внимания именно таким лидерам и тому решающему вкладу в политический сценарий, который они вносили своей инициативой, тем более что они часто переходили из одной фракции в другую. С другой стороны, необходимо будет восстановить память о тех деятелях, таких как Лепид или Секст Помпей, чья традиция апостериори превратила во «второстепенных лидеров».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аппиан. Гражданские войны. Под ред. С.А. Жебелева и О.О. Крюгера. Л.: ОГИЗ, 1935. 351 с.

Брехт Б. Рабочий дневник // *Новый мир*. 1976. № 5. С. 211–238.

Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. О знаменитых людях (фрагменты). Пер. и прим. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1964. 375 с.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.

Моммзен Т. История Рима. В 4 томах. Т. 3. М.: Зевс; Ростов н/Д: Феникс, 1997. 640 с.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 27 февраля 1861 г. // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. Т. 30. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. С. 124–126.

Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. 2. М.: Правда, 1987. 608 с.

Хейзинга Й. Осень Средневековья. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 786 с.

Шекспир В. Бесплодные усилия любви // *Шекспир В. Полное собрание сочинений*. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1937. 754 с.

Cicero. Brutus. Orator. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: William Heinemann LTD, 1907. 408 p.

Crettez B., Déloche R. A Cliometric Analysis of the Aldo Moro Kidnapping and Assassination // *Cliometrica*. 2009. No 3. Pp. 122–139.

Crettez B., Déloche R. An analytic narrative of Caesar's death: Suicide or not? That is the Question // *Rationality and Society*. 2018. Vol. 30. No 3. P.1–18.

Dio. Roman History with an English Translation by Earnest Gary. Vol. IV. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons, 1916. 503 p.

Momigliano A. Rev.: Syme R. The Roman Revolution. Oxford: The Clarendon Press, 1939 // *The Journal of Roman Studies*. 1940. Vol. 30. Part 1. Pp. 75–80.

Syme R. The Roman Revolution. Oxford: The Clarendon Press, 1939. 569 p.

Gentile E. *Il capo e la folla. La genesi della democrazia recitativa*. Roma; Bari: Laterza, 2016. 216 p.

Veyne P. L 'Inventaire des Différences. Leçon Inaugurale au Collège de France. Paris: Éditions du Seuil, 1976. 61 p.

REFERENCES

Appian. *Grazhdanskie vyny* [Civil Wars]. Ed. by S.A. Zhebelev and O.O. Kryuger. Leningrad: OGIЗ, 1935. 351 p. (in Russian).

Brecht B. Rabochiy dnevnik [Work diary], in *Novyy Mir*. 1976. No 5. Pp. 211–238 (in Russian).

- Veyne P. *Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii* [How to Write History. The Experience of Epistemology]. Moscow: Nauchnyy mir, 2003. 394 p. (in Russian).
- Gaius Suetonius Tranquillus. *Zhizn' dvenadtsati tsezarey. O znamenitykh lyudyakh (fragmentsy)* [The Life of the Twelve Caesars. About Famous People (Fragments)]. Transl. by M.L. Gasparov. Moscow: Nauka, 1964. 375 p. (in Russian).
- Hegel G.W.F. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. St. Petersburg: Nauka, 1993. 480 p. (in Russian).
- Mommsen T. *Istoriya Rima, V 4 tomakh* [The History of Rome. In 4 volumes]. Vol. 3. Moscow: Zevs; Rostov-on-Don: Fenix, 1997. 640 p. (in Russian).
- Marx K. Pis'mo F. Engelsu, 27 fevralya 1861 g. [Letter to F. Engels, February 27, 1861], in Marx K., Engels F. *Works*. Vol. 30. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1963. Pp. 124–126. (in Russian).
- Plutarch. *Izbrannye zhizneopisaniya* [Selected Biographies]. Vol. 2. Moscow: Pravda, 1987. 608 p. (in Russian).
- Huizinga J. *Osen' Srednevekov'ya* [The Autumn of the Middle Ages]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbacha, 2011. 786 p. (in Russian).
- Shakespeare W. *Besplodnyye usiliya l'ubvi* [Love's Labour's Lost], in Shakespeare W. *Polnoye sobranie sochineniy*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academia, 1937. 754 p. (in Russian).
- Cicero. *Brutus. Orator*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: William Heinemann LTD, 1907. 408 p.
- Crettez B., Déloche R. A Cliometric Analysis of the Aldo Moro Kidnapping and Assassination, in *Cliometrica*. 2009. No 3. Pp. 122–139.
- Crettez B., Déloche R. An analytic narrative of Caesar's death: Suicide or not? That is the Question, in *Rationality and Society*. 2018. Vol. 30. No 3. Pp.1–18.
- Dio. *Roman History with an English*. Translation by Earnest Gary. Vol. IV. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons, 1916. 503 p.
- Gentile E. *Il capo e la folla. La genesi della democrazia recitativa*. Roma; Bari: Laterza, 2016. 216 p.
- Momigliano A. Rev.: Syme R. The Roman Revolution. Oxford: The Clarendon Press, 1939, in *The Journal of Roman Studies*. 1940. Vol. 30. Part 1. Pp. 75–80.
- Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford: The Clarendon Press, 1939. 569 p.
- Veyne P. *L'Inventaire des Différences. Leçon Inaugurale au Collège de France*. Paris: Éditions du Seuil, 1976. 61 p.

Статья принята к публикации 22.07.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-191-202

УДК 321.6/.8

ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В СОВРЕМЕННОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Архипова Екатерина Владимировна

Волгоградский государственный университет,

Волгоград, Россия

arkhipova@volsu.ru

Аннотация. Образ политического лидера на первый взгляд, кажется не подвергается трансформации, существуют непреложные характеристики, которыми согласно широко распространённому мнению должен отвечать политический лидер. Однако появление именно национального государства привело к усложнению признаков лидера, его функций, возможностей и изменило условия его взаимодействия с последователями. Цель работы уточнить особенности образа политического лидера в современном национальном государстве. В работе используются характеристики лидеров, которые даны исследователями в области национализма. Структурно-функциональный подход позволяет говорить о специфике трансформации личности в политического лидера, формах взаимодействия с последователями в условиях национальных государств. Политическое лидерство становится частью общественной жизни в национальном государстве, т.к. предусматривает постоянное взаимодействие между лидером и его последователями, национальное государство предопределяет механизмы этого взаимодействия, пути трансформации личности в лидера, что чрезвычайно ограничено в сословном монархическом государстве.

Ключевые слова: политическое лидерство, образ лидера, мифологизация образа лидера, национальное государство, моральная деградация, внешняя политика, система сдержек и противовесов.

Цитирование: Архипова Е.В. Образ политического лидера в современном национальном государстве // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 191–202. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-191-202 / Arkhipova E.V. The Image of a Political Leader in the Modern National State, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 2. Pp. 191–202. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-191-202.

© Архипова Е.В., 2024

THE IMAGE OF A POLITICAL LEADER IN THE MODERN NATIONAL STATE

Arkhipova Ekaterina V.

Volgograd State University
Volgograd, Russia
arkhipova@volsu.ru

Abstract. At first glance, the image of a political leader does not seem to be undergoing transformation, there are immutable characteristics that, according to widespread opinion, a political leader should meet. However, the emergence of a nation-state has led to a complication of the signs of a leader, his / her functions, capabilities and changed the conditions of his interaction with followers. The purpose of the work is to clarify the features of the image of a political leader in a modern nation-state. The paper uses the characteristics of the leaders, which are given by researchers in the field of nationalism. The structural and functional approach allows us to talk about the specifics of the transformation of a personality into a political leader, forms of interaction with followers in the conditions of national states. Political leadership becomes a part of public life in a nation-state, because it provides for constant interaction between the leader and his followers, the nation-state determines the mechanisms of this interaction, the ways of transforming a person into a leader, which is extremely limited in a class-based monarchical state.

Keywords: political leadership, image of a leader, mythologization of the image of a leader, national state, moral degradation, foreign policy, checks and balances system

Изучение способов управления коллективом и обществом осуществляется в философии, политологии, менеджменте, социологии, психологии. Роднит многие науки исходная точка в определении термина. Слово «лидер» в переводе с английского означает «тот, кто ведет». Однако далее каждая наука ставит свои вопросы к тому, кто, как, на каких условиях и в каком обществе может осуществлять лидерские функции. Большое количество научно-популярных изданий в области менеджмента имеют рекомендации и готовые ответы на эти вопросы, которые, как предполагается, могут стать инструкциями по реализации карьерных амбиций человека. Однако политическое лидерство стало феноменом, о котором хотя и написано большое количество исследований на примере конкретных личностей, но каждый подобный случай фиксирует некое стечение удачных обстоятельств, которыми остаются уникальными или не очевидными для современников, что осложняет прогнозирование, такое важное для политологии. Соответственно, растет потребность в понимании, по какой причине все остальные члены общества согласны следовать именно этому лидеру, какими чертами они наделяют его, и почему именно эти черты становятся важными в конкретный период и что ожидают последователи от лидера.

Согласно подходу современного французского политолога Ж.-Л. Кермона «политическим лидером является личность, характеризующаяся способностью одновременно решающим образом влиять на партаппарат и успешно осуществлять важные правительственные обязанности» [Quermonne, 1994].

Классическим стало разделение подходов к изучению политического лидерства на философский, культурологический, марксистский, бихевиористский. Но эти теории подвергаются критике за излишнюю концентрацию на изучении самого лидера и игнорировании роли последователей.

Изложение теорий лидерства в учебниках обычно начинают с Н. Макиавелли, все же феномен лидерства существует с первобытных времен и признается важным структурообразующим институтом для любого общества. Образ политического лидера подвергался осмыслению еще Платоном и Конфуцием, которые указывали на личные качества, такие как разумение и рассудительность, скорее концентрируясь на «положительных» человеческих качествах». Лао-цзы к положительным качествам все же добавлял и «отрицательных» героев, которые могут быть лидерами — «те, кого ненавидят» и они стоят на 4 месте в его иерархии лидеров. Для Н. Макиавелли лидер — это государь (как и переведена на русский его знаменитая работа, в оригинале «князь»), который управляет людьми, угадывая их желания, то есть, по сути, тот, кто привлекает рациональность в реализации своей власти. Что важно: государь может использовать любые средства для поддержания общественного порядка и сохранения своей власти [Макиавелли, 1990]. Уже одно это нам не должно указывать на абсолютные характеристики лидера, присущие вневременному политическому лидеру. Такое представление следует понимать, как господствующие о лидере в данном обществе в конкретный период времени. Для

Г. Гегеля лидер — тот, кого ведет «мировой дух». В этом случае личные качества не представляются важными.

Поэтому можно сказать, что совокупность черт и характеристик, присущих лидеру обусловлены требованиями, представлениями общества. Так в свое время на этапе перехода от феодализма к национальным государствам возникает абсолютистская монархия, с определенным набором требований к лидеру. Этот этап, через который прошли не только европейские государства, но и страны Востока, показывает П. Андерсон [Андерсон П., 2010]. Как пишет исследователь «средневековый монарх представлял собой сочетание феодального сюзерена и помазанного короля» [Андерсон П., 2010, с. 41]. Со второй половины XVI в. появляется концепция «божественного права», которая «окончательно подняла королевскую власть над ограниченной и взаимной вассальной клятвой сюзеренов Средневековья» [Андерсон П., 2010, с. 47]. При этом ошибочно было бы полагать неограниченность власти абсолютного монарха, на что указывает исследователь, таким образом, в отношении действий лидера даже в период абсолютистского государства существуют требования и ограничения.

Говоря об уровне социальных отношений нельзя игнорировать изменения форм государственного правления, которые в принципе задают вектор возможностей отношений между лидерами и последователями. Учитывая, что традиционная политическая теория сосредоточена на изучении европейских государств, реперными точками здесь являются античное государство, феодальная система, монархия и национальное государство. Как представляется, важно понимать, что лидер в античном государстве не равен лидеру — феоде, как и монарх не сопоставим с лидером национального государства. В каждом случае мы говорим о разных источниках легитимации власти, разных способах обретения власти и абсолютно разных способах взаимодействия лидера с последователями. Поэтому говоря об определениях термина «лидер», о теориях политического лидерства, необходимо принимать во внимание не только форму правления, форму государственного устройства, но и исторический контекст. Если в клерикальных государствах объяснение / обоснование лидера представлено высшей волей, то откуда взять высшую волю в национальном государстве, религия которого делает «нацию» источником власти? Для этого придумали выборы — как плебисцит, утверждающий власть лидера. Таким образом сама нация становится высшей силой, утверждающей лидера [Геллнер, 1991].

Первобытное общество с его вождизмом становится объектом изучения в рамках политической антропологии, сосредоточенной на изучении неевропейских цивилизаций и культур. Хотя, например, М. Абеле указывал на тесную связь современные и досовременные институтов управления, говоря о том, что современные властные процессы имеют корни в традиционных обществах [Abélès, 1990]. Кроме того, современные процессы роста влияния национально-этнических групп или групп, организованных на иных, в том числе религиозных основаниях, и иных государственных аутсайдеров, говорят об актуальности как раз такого подхода. Но свои

рассуждения вокруг вопросов дискуссии хотелось бы сосредоточить на институтах, поддерживающих лидерство в современных национальных государствах.

Современные теории лидерства классифицированы в работе И. Винклера [Winkler, 2010]. Современные теории политического лидерства отражают характеристики последователей, окружения лидера, то есть происходит поворот к вопросу о том, как «свита играет короля». Интерес представляет атрибутивный подход Б. Колдером, в рамках которого отмечено, что лидер не существует вне сознания последователей [Calder, 1977]. Большую роль играют контекстно-зависимые атрибуты, основанные на восприятии и интерпретации членов группы, в сознании которых происходит конструирование образа лидера. Таким образом, мы не можем говорить об универсальных качествах лидера, они устанавливаются в соответствии с характером социальных отношений.

Очевидно, что существующие на данный момент теории отражают уровень социальных отношений, в которых живут исследователи. При изменении форм отношений, представлений общества происходят изменения и в теоретических подходах. В этой связи можно согласиться с мнением Е.В. Стецко, которая указывает на то, что «все теории лидерства призваны, в конечном итоге, дать практические рекомендации по вопросу достижения власти некоему конкретному человеку в конкретной стране» [Стецко, 2014, с. 272].

Структурно-функциональный подход предполагает рассмотрение общества как многокомпонентную иерархически организованную систему социальных позиций и ролей. Статус лидера возможен в том случае, если человек может по каким-то причинам занять в этой системе позиции, связанные с реализацией управленческих функций. Таким образом, исследование концентрируется не на лидере, а на самом феномене. Лидерство рассматривается как «положение в обществе, которое характеризуется способностью занимающего его лица направлять и организовывать коллективное поведение некоторых или всех его членов» [Кузнецова, 2012, с. 216].

Таким образом, последователи или «свита», которые всегда наделяют лидера некими выдающимися исключительными чертами, становятся важным фактором становления лидера. Эти черты определяются обществом: где-то необходимо демонстрировать физические качества, а в других обществах — ментальные или психологические. Сам набор этих качеств переменчив. Пожалуй, постоянным здесь можно представить способность лидера формулировать цель, соответствующую общим представлениям и предпринимая шаги по ее достижению попутно убеждать общество в оправданности действий. В этом процессе такого целеполагания могут принимать участие элитные группы общества (которые могут быть мало численными или многочисленными), но очень часто эта цель созвучна с неким набором культурных ценностей общества или его культурно-цивилизационным кодом. Для клерикального государства образ активности лидера вдохновлен высшими силами и потому оправдан, цели, которые формулирует такой лидер, также ниспосланы свыше, но горе тому лидеру, если сформулированная цель не будет

соответствовать религиозным представлениям общества! Париж стоил мессы для Генриха IV.

В секулярном государстве, несмотря на демонстрируемое отделение церкви от государства, существует набор знаковых моральных норм и целей, которые соотносятся с доминирующим в обществе религиозным течением – стержневые представления общества о мире, о своем месте в нем, о морали, которые если и изменяются, то происходит это очень медленно. Работа М. Вебера по протестантской этике убедительно доказывает этот тезис. Последователи лидера вынуждены прибегать к этим идеям, чтобы сформулировать нарратив о лидере, отвечающем ценным моральным качествам, принятым в обществе. Так, например, в исследованиях в рамках инструментальной теории менеджмента Е. Холландера вводится термин «кредит доверия» (*Idiosyncrasy Credit*), или право лидера на нестандартность поведения в определенных рамках. Как указывает исследователь, общество демонстрирует лояльность и доверие к действиям лидера, если поведения лидера соответствует нормам, принятым в обществе и его компетентности [Hollander, 1967, p. 54].

Дальше возникает вопрос о том, каким образом в различных группах общества формулируются запросы, сама цель развития общества. Атрибутивный подход Б. Колдера говорит нам о том, что это деятельный процесс, который формируется в дискуссиях, то есть поддается конструированию. И на этом этапе становится важно умение лидера объяснить важность цели, убедить сторонников в необходимости таких действий. Как только лидер перестает принимать деятельное участие в этом процессе, он становится заложником тех нарративов, которые будут созданы не им. В этой связи возникает вопрос, что происходит в период революции, когда прежний лидер свергается? Или почему в процессе разрушения крупного государства наиболее авторитетными становятся этнические лидеры, как это произошло с Югославией и Советским Союзом?

У.Ч. Таубман, 20 лет изучая биографию Н.С. Хрущева пришел к выводу о том, что этот человек оказался «выгодным вторым» в политической гонке, компромиссной фигурой для разных политических сил, сложившихся после смерти И. Сталина [Таубман, 2008]. И в своих лекциях¹ он делал вывод о том, что именно такая фигура является наиболее успешной на исторической арене. То есть здесь мы можем видеть политического лидера – как компромиссную фигуру, которая также оказывается заложником способа прихода во власть или даже той «свиты, которая делает короля».

История превращения генерал-майора ВВС Д. Дудаева из советского офицера в лидера национально-этнического движения представлена в работе Г. Дерлугьяна [Дерлугьян. 2010]. В исследовании говорится о том, что в условиях кризиса власти – в данном случае в ситуации лишения действующего лидера легитимности (М.С. Горбачева) – советский военный офицер, представитель элитных войск

---

¹ Прослушаны автором текста лично в 2012 г. в колледже Амхёрст

вернувшийся на родину, был избран президентом Конгресса чеченского народа, а затем стал «харизматическим центром притяжения для масс и игравший совершенно аналогичную Ельцину роль «убедительного» начальника и вождя» – так его взлет описывает исследователь [Дерлугьян, 2010, с. 401]. Секрет его успеха автор объясняет социальным капиталом, то есть действиями знакомых бывшего летчика, которые решили вывести его на передовые позиции. А в момент ГКЧП его военный опыт позволил говорить с митингующей толпой. Д. Дудаев предложил людям идеи, которые уже волновали общество, были востребованными [Дерлугьян, 2010, с. 403]. «Сочетание уверенного генеральского облика и пророческого видения вызывали у простых чеченцев такой всплеск гордости и надежды, что ни либеральные реформисты, ни коммунистические консерваторы не могли даже мечтать о соперничестве с ним в открытой борьбе» [Дерлугьян, 2010, с. 404]. Но далее, находясь в логике ситуации, предложив «поголовное вооружение своих граждан» он не смог остановить рост преступности и вседозволенности, а затем и дальнейшей фрагментации общества на по сути криминальные группировки. «Фрагментарная вооруженная анархия» – как ее называет Г. Дерлугьян – сделала лидера Ичкерии одним из многих полевых командиров, уничтожив его авторитет в своем обществе. В данном случае мы можем говорить об образе лидера – заложника своих обещаний, которые не смог вернуть под контроль своих последователей, так как политика подчинения противоречила его более ранним обещаниям, его образу.

Здесь хотелось бы привести примечательную характеристику, данную М. Сучковым предвыборному процессу, который разворачивается в США в 2024 г.: «делегаты досрочно и в дистанционном режиме передали Камале Харрис голоса... главного кандидата с ловкостью наперсточников заменили другим, причем даже не участвовавшим во внутрипартийной борьбе за выдвижение... впечатляет, с какой скоростью вся финансовая, медийная и политическая машина Демпартии принялась раскручивать пару Харрис–Уолз» [Сучков, 2024]. Несомненно, что исследователь уверен в огромнейшей роли «свиты» в создании образа политического лидера. В этой ситуации напрашивается вывод, о том, что с таки же успехом «свита» может избавиться от лидера.

В связи с тем, что лидерство существует в сознании последователей, а в национальном государстве они принадлежат разным группам всего населения страны, которые могут быть удалены друг от друга географически, то непременно происходит процесс воображение лидера. Б. Андерсон анализируя национализмы в работе «Воображаемые сообщества» указывает на важность мифологизации в национальном государстве, которое начинает преобладать в XX в., и учитывая работу «воображения», описанную Б. Андерсоном, миф становится важным инструментом который используют академики и другие профессионалы для создания образа нации [Андерсон, 2010, с. 151], а затем и для распространения знания о лидере. Ведь, перефразируя Б. Андерсона, никто не может лично знать лидера, но все благодаря СМИ могут его вообразить на основе неких описаний. В этой связи непосредственное окружение лидера становится актором, формирующим этот миф, передающим его через СМИ населению.

Э. Смит отмечал, что в национальном сознании обнаруживается большое количество духовных феноменов и среди них на первом месте он упоминает миф, а затем это память и ценности, которые связаны с более ранними формами сознания, предшествовавшими современному национализму [Smith, 1986]. Изобретение традиции происходит путем рекомбинации уже существующих элементов. В этой связи неслучайно возвращение к догосударственному термину «вождь». И уже на этой основе мы можем заметить связь между историческим мифом и политическим лидером, вокруг которого он формируется.

Е.М. Мелетинский, характеризуя репмифологизацию XX в., определяет ее как «процесс «возрождения» мифа, который охватывает различные стороны европейской культуры». Основные элементы этого процесса: 1. Признание мифа вечно живым началом, выполняющим практическую функцию в современном обществе; 2. Выделение в самом мифе его связи с ритуалом и концепции вечного повторения; 3. Максимальное сближение или даже отождествление мифа и ритуала с идеологией и психологией, а также с искусством [Мелетинский, 2000, с. 28]. Таким образом, в политической сфере миф выступает упорядочивающим инструментом, опирающимся на повторении ритуалов, например, таких как выборы, инаугурация. Миф немислим без преувеличений, идеалистических представлений и отрицания познавательного момента – считает Е.М. Мелетинский. Поэтому тот образ политического лидера, который создан его окружением, скорее всего будет мало похожим на оригинал. В этой связи неизбежно возникает вопрос о предопределенности моральной деградации политического лидера. В рамках социологической теории элит В. Парето разработал либерально-консервативную теорию и указал, что в ее основе лежит именно циркуляция элит, по причинам как внешнего, так и внутреннего характера, относя к последним в том числе и вопросы морали [Парето, 2008]. Можно предположить, что условием деградации элиты в целом является ситуация противоречия с условиями развития всего общества. Моральная деградация политического лидера в этом случае выступает лишь частным случаем развития этого противоречия. На него указывает В.П. Мохов, описывая третий – личностный уровень деградации элиты: «Личностная деградация элиты основана на том, что внутри любой элиты всегда присутствуют отдельные представители или даже группы элиты, для которых собственное благополучие и сибаритство становятся доминантой существования. Это приводит к отказу от выполнения элитных функций, личностное благополучие начинает доминировать над чувством социальной ответственности, личностные цели замещают собой общенациональные и даже групповые. Следствием личностной деградации являются отказ от соблюдения внутриэлитной лояльности, социальный эгоизм» [Мохов, 2014, с. 135].

Однако, общество может создавать институты, практики, которые стимулируют следить как элиту, так и политического лидера за «моральностью» своих действий. На необходимость системы сдержек и противовесов указывал еще Ш. Монтескье отмечая, что они могут быть внедрены и в монархическое государство, но широкое распространение они получают в национальном государстве. Безусловно, наличие разных элит, формальных и неформальных, заставляет лидеров принимать

решения, снижающие вероятность прихода к власти неформальных элит. Проведение большинства реформ в российской истории XIX в. всегда описывались как ответ на запросы общества, как попытка снизить революционный накал. Нахождение лидера в этой ситуации требует в том числе и решать вопрос моральности власти, или по меньшей мере ее представления обществу в духе общеразделяемых ценностей.

В современных условиях развития международных отношений, интеграции и регионализации имидж политического лидера становится существенно зависим от внешнеполитической деятельности, от имиджа, который создается о лидере в других странах. И здесь инструменты мифологизации усиливаются с мультипликативным эффектом. Ведь, в формировании этого образа уже принимают участие не только национальные элиты через СМИ, но и зарубежные элиты. Поэтому возрастает необходимость целенаправленной работы с зарубежной аудиторией, что описано Дж. Наем-мл. в терминах «мягкой», «жесткой» и «острой» силы. Являясь персонифицированной внешней политикой и дипломатией ассоциируются с образом национального лидера и формируют имидж о нем и о его стране. По мнению исследователя национальные лидеры «больше заинтересованы в относительной свободе, которой они могут пользоваться во внешней политике, чем иметь дело с гнетущей неудовлетворенностью результатами политики внутренней, но и за рубежом они едва ли полностью независимы» [Най – мл. Дж., 2006. С. 131]. Политолог формулирует и требования к личным качествам лидера: «способность президента привлечь на свою сторону приверженцев как дома, так и за рубежом в значительной степени зависит от трех качеств, связанных с умением использовать мягкую силу: во-первых, это политическое видение..., во-вторых – это эмоциональный интеллект..., в третьих – способность быть эффективным коммуникатором...» [Най – мл. Дж., 2006, с. 132]. Исследователь также отмечает значение организаторских способностей, необходимых для обеспечения поступления достоверной информации, иначе лидер рискует попасть в ситуацию, когда «свита играет короля». Следующим важным навыком является политический профессионализм – «искусство находить средства в соответствии с намеченной целью либо путем уговоров, либо прибегая к подкупу или угрозам». И третьим пунктом назван «контекстуальный интеллект» – способность разбираться в перипетиях обстановки и согласовывать имеющиеся ресурсы с поставленными задачами [Най – мл. Дж., 2006, с. 132]. Конечно, нужно понимать, что исследователь анализирует конкретную политическую систему, обусловленную стержневыми представлениями, свойственными США. Однако в условиях экономического глобального лидерства США подобные представления о внешнеполитическом имидже лидера распространились повсеместно, создав нормы поведения для глав других стран. Успешная внешнеполитическая повестка для внутренних последователей стала важным критерием успеха политических лидеров. Критерии, свойственные мировым державам, стали притягательными для других. И мы уже видим Бразилию Лула да Силвы, которая стремится иметь свою арктическую, ядерную и космическую программу для констатации статуса «ведущей державы», и значит и персональной успешности лидера.

Информатизация политической активности в XXI в. сделала лидера, казалось бы ближе к каждому из последователей. Например, в России для исследователей и просто интересующихся существовала возможность читать сообщения Президента Трампа в социальных сетях. Освоение социальных сетей в политических целях привело к ускорению распространения информации, а скорость сокращает возможность рационального критического оценивания ее с точки зрения правдивости, а это значит, что мифологизация образа лидера будет только возрастать, ведь никто не знает точно, кто именно пишет эти сообщения за лидера.

Политическое лидерство именно в национальном государстве становится частью политического процесса. С появлением национального государства круг последователей лидера существенно возрастает за счет проникновения политической активности во все слои общества. Это неизбежно увеличивает дистанцию между лидером и каждым из последователей, что приводит к нарастанию роли мифотворчества в создании образа лидера, а это включает и создание политических ритуалов, поддерживающих этот образ. В XX в. в круг обязанностей лидера, за счет которых происходит оценка его деятельности последователями, вошла внешнеполитическая активность, что создает феномен зарубежной публики, которая не обязана быть последователем того или иного национального лидера, но может принимать участие в оценивании его эффективности. А учитывая наличие миграционных потоков, связей, сформированных благодаря социальным сетям XXI в. давление на лидера государства со стороны этой части мирового общества нарастает.

Политическое лидерство становится частью общественной жизни в национальном государстве, т.к. предусматривает постоянное взаимодействие между лидером и его последователями, национальное государство предопределяет механизмы этого взаимодействия, пути трансформации личности в лидера, что чрезвычайно ограничено в сословном монархическом государстве.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010. 512 с.

Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 319 с.

Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в микросистемной перспективе: авторизованный перевод с английского. М.: Территория будущего, 2010. 558 с.

Кузнецова И.О. Компаративный анализ концепта «политическое лидерство» в западной школе политической науки // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2012. № 6 (89). С. 215–220.

Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. 79 с.

Мелетинский Б.М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.

- Мохов В.П. Деградация элит: проблема анализа // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 12 (50). Ч. II. С. 134–138.
- Най – мл. Дж. Лидерство в преобразованиях и национальная стратегия США // *Россия в глобальной политике*. 2006. Т. 4. № 4. С. 126–136.
- Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
- Стецко Е.В. Практические аспекты современных концепций политического лидерства // *Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета*. 2014. № 37. С. 271–277.
- Сучков М. Новая стратегия: что поможет демократам победить Трампа // Профиль. URL: <https://profile.ru/abroad/novaya-strategiya-chto-pomozhet-demokratam-pobedit-trampa-1573391/> (дата обращения – 21 августа 2024 г.).
- Таубман У.Ч. Хрущёв. М.: Молодая гвардия, 2008. 850 с.
- Abélès M. *Anthropologie de l'État*. Paris: Armand Colin, 1990. 183 p.
- Calder B.J. An Attribution Theory of Leadership // *New Directions in Organizational Behavior*. Chicago: St. Clair Press, 1977. Pp. 179–204.
- Hollander E., Willis R. Some current issues in the psychology of conformity and Nonconformity // *Psychological Bulletin*. 1967. Vol. 68. № 1. Pp. 62–76.
- Quermonne Jean-Louis. *Les régimes politiques occidentaux*. Paris: Éditions du Seuil, 1994. 328 p.
- Smith A. *The ethnic origins of nations*. Oxford: Blackwell Publishing, 1986. 304 p.
- Winkler I. *Contemporary Leadership Theories. Enhancing the Understanding of the Complexity, Subjectivity and Dynamic of Leadership*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2010. 107 p.

REFERENCES

- Anderson P. *Rodoslovnaya absolutistskogo gosudarstva* [Genealogy of the Absolutist State]. Moscow: Territory of the Future, 2010. 512 p. (in Russian).
- Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress, 1991. 319 p. (in Russian).
- Derlug'yan G. *Adept Burd'e na Kavkaze: eskizy k biografii v mikrosistemnoi perspektive: avtorizovannyi perevod s angliiskogo*. [Bourdieu's Adept in the Caucasus: Sketches for a Biography in a Microsystem Perspective: Authorized Translation from English]. Moscow: Territory of the Future, 2010. 558 p. (in Russian).
- Kuznetsova I.O. *Komparativnyi analiz kontsepta «politicheskoe liderstvo» v zapadnoi shkole politicheskoi nauki* [Comparative Analysis of the Concept of "Political Leadership" in the Western School of Political Science], in *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*. 2012. No. 6 (89). Pp. 215–220 (in Russian).
- Makiavelli N. *Gosudar'* [The Sovereign]. Moscow: Planeta, 1990. 79 p. (in Russian).

Meletinskii B.M. *Poetika mifa*. [Poetics of Myth]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. 407 p. (in Russian).

Mokhov V.P. Degradatsiya elit: problema analiza [Degradation of elites: the problem of analysis], in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. No. 12 (50). Part II. Pp. 134–138 (in Russian).

Nai – ml. Dzh. Liderstvo v preobrazovaniyakh i natsional'naya strategiya SShA [Leadership in transformations and the national strategy of the USA], in *Rossiya v global'noi politike*. 2006. Vol. 4. No. 4. Pp. 126–136 (in Russian).

Pareto V. *Kompendium po obshchei sotsiologii* [Compendium of general sociology]. Moscow: Izdatel'skij dom vysshaja shkola jekonomiki, 2008. 511 p. (in Russian).

Stetsko E.V. Prakticheskie aspekty sovremennykh kontseptsii politicheskogo liderstva [Practical aspects of modern concepts of political leadership], in *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta*. 2014. No. 37. Pp. 271–277 (in Russian).

Suchkov M. *Novaya strategiya: chto pomozhet demokratam pobedit' Trampa* [New strategy: what will help the Democrats defeat Trump] // Profil'. Available at: <https://profile.ru/abroad/novaya-strategiya-chto-pomozhet-demokratam-pobedit-trampa-1573391/> (accessed 21 August 2024).

Taubman U.Ch. *Khrushchev* [Khrushchev]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2008. 850 p. (in Russian).

Abélès M. *Anthropologie de l'État*. Paris: Armand Colin, 1990. 183 p.

Calder B.J. An Attribution Theory of Leadership, in *New Directions in Organizational Behavior*. Chicago: St. Clair Press, 1977. Pp. 179–204.

Hollander E., Willis R. Some current issues in the psychology of conformity and Nonconformity, in *Psychological Bulletin*. 1967. Vol. 68. No. 1. Pp. 62–76.

Quermonne Jean-Louis. *Les régimes politiques occidentaux*. Paris: Éditions du Seuil, 1994. 328 p.

Smith A. *The ethnic origins of nations*. Oxford: Blackwell Publishing, 1986. 304 p.

Winkler I. *Contemporary Leadership Theories. Enhancing the Understanding of the Complexity, Subjectivity and Dynamic of Leadership*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2010. 107 p.

Статья принята к публикации 01.09.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-203-210

УДК 94(73)»2016/2024»

ФОРМАЛЬНЫЙ И НЕФОРМАЛЬНЫЙ ЛИДЕР В США: БОРЬБА БАЙДЕНА И ТРАМПА ЗА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА

Айриян Радмила Сергеевна

Южный федеральный университет.

Ростов-на-Дону, Россия

rsayriyan@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса о различиях в сущностных характеристиках руководителя и политического лидера страны или партии. Проблема формального и неформального лидерства рассматривается применительно к реалиям политического процесса в США. Автором рассматривается некая совокупность черт, характерных для лидера, в целом. Кроме того, выявляются влияния и особенности политического процесса XXI в., внесшего свои коррективы в этот список. Фиксируется роль социальных сетей в президентских компаниях, в частности в становлении Дональда Трампа из неформального в формального лидера в 2016 г. и его возвращении к статусу неформального в 2021–2024 гг. Отмечается, что Трамп на сегодняшний момент является неформальным лидером, так как не возглавляет ни страну, ни партию, а является при этом лидером оппозиционной части населения. Автор на конкретных исторических примерах делает вывод о преобладании демагогических оснований кампании Трампа за должность президента США. Важной частью работы стало выявление зависимости Трампа и Байдена от окружающих как формального и неформального лидеров, являвшихся в итоге заложниками, а не творцами политической системы.

Ключевая слова: лидер, формальный лидер, неформальный лидер, заложник системы, политическая система, демагогия, соцсети, Трамп, Байден.

Цитирование: Айриян Р.С. Формальный и неформальный лидер в США: борьба Байдена и Трампа за пост президента // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 203–210. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-203-210 / Ayriyan R.S. Formal and Informal Leader in the USA: Biden and Trump's Struggle for the Post of President, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 3. Pp. 203–210. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-203-210.

© Айриян Р.С., 2024

FORMAL AND INFORMAL LEADER IN THE USA: BIDEN AND TRUMP'S STRUGGLE FOR THE POST OF PRESIDENT

Ayriyan Radmila S.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
rsayriyan@sfedu.ru

Abstract. The article examines the question of how a political leader differs from the head of a country or party. The author suggests a certain set of features characteristic of a leader, but also identifies specific features of the 21st century, which has brought its own adjustments to this list. The role of social networks in presidential campaigns is recorded, in particular in the emergence of Donald Trump from an informal to a formal leader in 2016 and his return to informal status in 2021–2024. The problem of formal and informal leadership is considered, in relation to the United States. It is noted that Donald Trump is currently an informal leader, since he does not lead either a country or a party, but is the leader of the opposition part of the population. At the same time attention is focused on the demagogic grounds of Trump's entire campaign for the presidency (using specific examples). An important part of the work was to identify the dependence of formal and informal leaders on those around them, who made Trump and Biden hostages, not creators of the political system.

Keywords: leader, formal leader, informal leader, hostage of the system, political system, demagoguery, social networks, Trump, Biden.

Политический лидер — это та фигура, без которой никогда не существовало, и не может существовать общество и государство. Даже если в отдельно взятый период в рассматриваемом обществе нет общепризнанного политического лидера, обязательно сохранится лидер, либо образ лидера прошлого. Может быть, и даже скорее всего, лидер из прошлого идеализируется, на него равняется общество. В современной нам Франции вряд ли мы найдем на политической сцене хотя бы одну фигуру похожую по степени влияния на Шарля де Голля или Франсуа Миттерана; в современной Германии нет никого, кто мог бы объединить разнородное общество, как это делал Гельмут Коль, а позже и Ангела Меркель; в Великобритании не стало лидеров уровня Маргарет Тэтчер или Тони Блэра; в США мы не найдем нового Франклина Рузвельта, Джона Кеннеди или Рональда Рейгана.

Что отличает политического лидера от руководителя страны/партии? Этот вопрос не означает, что руководитель страны не может быть политическим лидером. Может, конечно, и история знает множество примеров. Но вместе с тем, не каждый руководитель страны — это политический лидер.

Политический лидер любой эпохи и периода должен предложить на рассмотрение и дальнейшее принятие обществу идею или представление о будущем, и вместе с тем, обладать харизмой, организаторскими способностями, умением словом и делом зажигать сердца, спланировать людей, принимать смелые решения. Поэтому лидер в первую очередь не тот, кто наследует власть или избирается прямым всеобщим голосованием, не тот, кого назначают на должность, а тот, кто рождается в нужное время и претворяет в жизнь свои замыслы, которые способны изменить людей, партию, общество или государство. Конечно, конкретные обстоятельства способствуют появлению лидеров. Не будь Великой депрессии, мог бы быть избран президентом США демократ Франклин Рузвельт? Не отправь Мао Цзэдун Дэн Сяопина в ссылку, стал бы в будущем последний «отцом реформ» в Китае? Не согласился бы Михаил Горбачев на объединение Германии, стал бы Гельмут Коль лидером единой страны? Вопросов подобного рода можно назвать гипотетическими, поскольку они предусматривают лишь вероятностные ответы.

Классификаций политического лидерства в научной литературе достаточно много [Lasswell, 1948; Tucker, 1981; Вебер, 1988], следовательно, подробно на этом аспекте останавливаться не будем. Рассмотрим лишь вопрос о соотношении формальных и неформальных черт в статусе лидера. Часто можно слышать, когда журналисты, например, говоря о главе государства, фиксируют «лидер страны», тем самым ставят знак равенства между лидером и руководителем государства [Лидер Франции, 2023]. В таком случае можно было бы говорить о формальном лидерстве (король, президент, канцлер и пр.) и неформальном лидерстве (тот самый лидер, за которым идут добровольно, а не по принуждению закона, традиции или силы; тот, кто обладает личным авторитетом, а не авторитетом должности, которую занимает). Однако один и тот же человек (например, 45-й президент США Дональд Трамп) может рассматриваться как формальный лидер в период своего президентства, так и в качестве неформального лидера оппозиционной части населения, не будучи

при этом лидером оппозиционной партии. И это интересная особенность современной эпохи, когда можно, опираясь на социальные сети распространять свои идеи и представления о верном пути для развития страны, поддерживать связь с потенциальными избирателями (сократив число посредников до нуля), клеймить противников, не опасаясь быть непонятым. Сам Трамп часто подчеркивал, что использовал Twitter (пока его аккаунт не заблокировали), чтобы иметь возможность обращаться к американцам напрямую, без «вмешательства» медиасетей, которым он не доверял и которые он систематически пытался делегитимировать. При этом Трамп, естественно, не первый лидер в США, который использовал средства массовой информации в политической борьбе. Так, Франклин Рузвельт использовал радио, Джон Кеннеди – телевидение. При этом ни один из названных выше американских лидеров не были первыми, кто использовал тот или иной способ коммуникации: до Рузвельта был Уоррен Гардинг, до Кеннеди – Дуайт Эйзенхауэр, а до Трампа соцсетями активно пользовался Барак Обама. Но и Рузвельт, и Кеннеди, и Трамп использовали средства массовой информации, чтобы самостоятельно и непосредственно доносить свои мысли до избирателей. Таким образом, для современного лидерства характерно умение использовать средства массовой информации и понимание, что любое высказывание, любое видео может стать «вирусным». В эпоху гонки за «горячими» новостями журналисты из противоположного политического спектра тоже станут распространять среди своих читателей и подписчиков эти сообщения. Пример с Дональдом Трампом в ходе его как первой. Так и второй президентских компаний тому явное свидетельство. Конечно, сообщения (твиты) несистемного Трампа подавались в демократических СМИ однозначно в негативном контексте, но в цифровую эпоху действует правило – лучше плохая новость, чем никакая.

Имея прямую связь со своими избирателями и даже избирателями из другого политического поля (благодаря критическим публикациям журналистов из демократического лагеря), Трамп использовал приемы демагогии и прямых нападок на политических оппонентов. Как верно некогда отметил Чарльз Ломас, специалист по ораторскому искусству и автор множества трудов, посвященных вопросам политической риторики, «демагогию можно описать как процесс, посредством которого опытные ораторы и писатели стремятся повлиять на общественное мнение, используя традиционные инструменты риторики с полным безразличием к истине» [Lomas, 1961, p. 161]. Сам Трамп писал в 1987 г., за три десятилетия до того, как стать кандидатом в президенты США: «Если вы немного отличаетесь от других... или если вы делаете смелые или спорные вещи, то пресса напишет о вас» [Trump, 2015, p. 56]. Чем более агрессивными и возмутительными были его заявления, тем больше внимания средств массовой информации он получал. В 2018 г., будучи уже президентом США, Трамп на встрече с общественниками из Калифорнии, требуя ужесточения иммиграционных законов заявил: «У нас есть люди, которые приезжают в страну или пытаются приехать... Вы не поверите, насколько плохи эти люди. Это не люди. Это животные» [Korte, Gomez, 2018]. Это один из приемов, который может позволить себе несистемный политик – т.е. политик, который не несет ответственности перед своей партией и. по большому счету, не очень от неё зависит.

Данный прием направлен на то, чтобы в медиаполе превратить часть населения страны в «расточительных, вредных и подлых недочеловеков» [Tsesis, 2002, p. 89]. Другим примером использования Трампом демагогических методов являлась его попытка делегитимировать президента Барака Обаму в 2011 г., поддерживая обвинения в том, что последний не является урожденным американским гражданином, а, следовательно, в соответствии со статьей 2 Конституции страны, не имеет права занимать пост президента США [Donald Trump]. Достаточно резкие высказывания Трампа, ряд из которых были откровенно агрессивными, его манера поведения и пр. привели к тому, что некоторые исследователи даже стали проводить параллель между Трампом и Гитлером (популизм, агрессивная риторика, агрессивное поведение, эмоциональность выступлений, нападки на политическую систему и политическую элиту) [Kellner, 2018]. Другие вменяли ему в вину разжигание ненависти к меньшинствам [Nacos, 2020]. Даже Джозеф Байден в своей предвыборной речи 5 января 2024 г. сравнил риторику Трампа с риторикой времен нацистской Германии [Transcript].

Однако есть то, в чем Трамп очевидно был не силен – это контроль над политической системой и собственным окружением. Дональд Трамп вошел в историю как американский президент, который жил параллельными курсами со своим окружением. Достаточно вспомнить, что Дональд Трамп со времен Гарри Трумэна стал первым президентом США, назначившим двух госсекретарей в первый срок президентства (Рекса Тиллерсона и Майка Помпео). Всего 24 дня проработал в должности советника по национальной безопасности Майкл Флинн. Первый глава администрации Белого Дома при Трампе Рейнс Прибус находился в должности чуть больше полугода, и вошел в историю как человек, отработавший в данной должности самый короткий срок. Текучесть кадров – это один из символов президентства Трампа, что также свидетельствует о его неспособности собрать команду. Его назначения или увольнения часто были связаны с развитием той или иной ситуации (утечка данных или неудачный комментарий). Если посмотреть на должность директора по коммуникациям Белого Дома, то она самая нестабильная именно при Трампе: за 4 года его президентства сменилось 6 руководителей (причем Майкл Дубке в должности был 88 дней, а Энтони Скарамуччи проработал всего 10 дней). Для сравнения: за 8 лет президентства как Барак Обама, так и Джордж Буш-мл. сменили лишь четверых на этой должности. Глава администрации Белого Дома, советник по национальной безопасности, госсекретарь США, директор по коммуникациям Белого Дома – это одни из ключевых позиций в иерархии политической системы США. Скорое увольнение означало, что назначения оказывались непродуманными, поскольку кандидаты не устраивали самого президента через непродолжительное время. Трамп не смог подчинить себе систему, а скорее стал ее заложником: президентские решения не исполнялись членами его администрации, а законодательные инициативы не принимались конгрессом. Даже 115-м конгрессом США (2017–2019 гг.), в котором и в сенате, и в палате представителей большинство было за республиканской партией.

В роли заложника системы оказался и президент Джозеф Байден, который в отличие от Трампа является системным политиком. Байден прошел все этапы становления политика в США: был членом совета округа Нью-Касл, сенатором от штата Делавэр, был членом сенатских комитетов по судебным вопросам и международным отношениям, вице-президентом и, наконец, президентом США. И, тем не менее, несмотря на его богатый политический опыт, ему не удалось избежать судьбы заложника системы. Особенно ярко это видно в период президентской гонки 2024 г. В ее начале демократическая партия, не сумевшая найти кандидата, способного противостоять Дональду Трампу, сделала ставку на откровенно неактивного президента и страх американцев перед событиями 6 января 2020 г., когда сторонники Трампа пытались захватить Капитолий. Будучи человеком системы, Джозеф Байден (ради партии и ради страны) согласился с этим решением. В первой предвыборной речи нового цикла президентской гонки (об этой речи выше уже упоминалось) Байден 12 раз упомянул дату «6 января», тем самым усиливая представление о Трампе как о тиране, диктаторе, ненавистнике всего, что связано с демократией. Трамп представлялся в этой речи как лидер-разрушитель американских ценностей, в то время как Байден позиционировался как тот, кто сохранил ценности демократии и будет дальше поддерживать дух свободы в США. Однако провальные для Байдена дебаты с Трампом летом 2024 г. привели к тому, что лидеры демократической партии, включая экс-президентов США (Билла Клинтона и Барака Обаму), вынудили Байдена сняться с президентской гонки и уступить позицию кандидата в президенты своему вице-президенту Камале Харрис.

При всей непохожести Байдена и Трампа их объединяет одно – у каждого была идея, с которой он шел к избирателям. Байден продвигал идею антитрампизма, котоая проходит «красной нитью» через все его выступления. В то же время Трамп отстаивает идею: США без «вашингтонского болота», без федеральной бюрократической системы, подменяющей собою демократию. Замена Байдена на Харрис в преддверии съезда демократической партии стало для Трампа еще одним доказательством, что страной правит не народ, а группа лиц.

Как Трамп, так и Байден – оба лидеры (один неформальный, другой формальный) оказались заложниками политической системы и своего окружения, и только один из них был намерен изменить систему.

Подводя итог небольшому размышлению, отмечу, что политик, каким бы он не был сильным, и даже великим лидером, он все же является человеком своего времени. Лидер связан невидимыми узами со своим окружением, которое естественным образом оказывает на него влияние. Однако влияние взаимно, и лидер точно также, влияет на свое окружение. Простой обмен мнением за бокалом виски в Овальном кабинете может изменить политику американского президента, а может и не изменить. Министры и их заместители, начальники департаментов и рядовые служащие готовят отчеты, доклады, аналитические обзоры и пр., с которым знакомится глава государства и это тоже не может не оказывать на него влияние. Служащие, чиновники могут существовать без лидера, но имея при этом руководителя. А может ли лидер обходиться без советников и помощников? Ответ скорее «нет», чем «да».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вебер М. Харизматическое господство и лидерство // *Социологическое исследование*. 1988. № 5. С. 139–147.

Лидер Франции Макрон потребовал разобраться в причинах беспорядков в стране. URL: <https://regnum.ru/news/3817102> (дата обращения – 7 июля 2024 г.).

Donald Trump joins the birthers: Property tycoon suggests Obama's not really American // *Daily Mail Online*, March 17, 2011. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-1367329/Donald-Trump-doubts-Obamas-U-S-citizen.html> (дата обращения – 7 июля 2024 г.).

Kellner D. Donald Trump as Authoritarian Populist: A Frommian Analysis. // *Critical Theory and Authoritarian Populism*. 2018. Vol. 9. Pp. 71–82.

Korte G., Gomez A. Trump ramps up rhetoric on undocumented immigrants. // *USA TODAY*, May 16, 2018. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2018/05/16/trump-immigrants-animals-mexico-democrats-sanctuarycities/617252002/> (дата обращения – 7 июля 2024 г.).

Lasswell H.D. Power and personality. Westport (Conn.): Greenwood, 1948. 262 p.

Lomas Ch.W. The Rhetoric of Demagoguery // *Western Speech*. 1961. № 25. Pp. 153–167.

Nacos B.L. Donald Trump: Aggressive Rhetoric and Political Violence. // *Perspectives on Terrorism*. 2020. № 5. Vol. 14. Pp. 2–25.

Transcript: Biden's First Campaign Speech of the 2024 Election Year. URL: <https://www.usnews.com/news/politics/articles/2024-01-05/transcript-bidens-first-campaign-speech-of-the-2024-election-year> (дата обращения – 7 июля 2024 г.).

Trump D.J. The Art of the Deal. New York: Ballentine Books, 2015. 384 p.

Tsesis A. Destructive Messages: How Hate Speech Paves the Way for Harmful Social Movements. New York: New York University Press, 2002. 246 p.

Tucker R.C. Politics as Leadership. University of Missouri Press, 1981. 224 p.

REFERENCES

Veber M. Kharizmaticheskoye gospodstvo i liderstvo [Charismatic dominance and leadership], in *Sotsiologicheskoye issledovaniye*. 1988. No. 5. Pp. 139–147 (in Russian).

Donald Trump joins the birthers: Property tycoon suggests Obama's not really American. *Daily Mail Online*, March 17, 2011. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-1367329/Donald-Trump-doubts-Obamas-U-S-citizen.html> (accessed 7 July 2024).

Kellner D. Donald Trump as Authoritarian Populist: A Frommian Analysis., in *Critical Theory and Authoritarian Populism*. 2018. Vol. 9. Pp. 71–82.

Korte G., Gomez A. *Trump ramps up rhetoric on undocumented immigrants*. USA TODAY, May 16, 2018. Available at: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2018/05/16/trump-immigrants-animals-mexico-democrats-sanctuarycities/617252002/> (accessed 7 July 2024).

Lasswell H.D. *Power and personality*. Westport (Conn.): Greenwood, 1948. 262 p.

Lider Frantsii Makron potreboval razobrat'sya v prichinakh besporyadkov v strane [French leader Macron demands to understand the causes of unrest in the country]. Available at: <https://regnum.ru/news/3817102> (accessed 7 July 2024).

Lomas Ch.W. The Rhetoric of Demagoguery, in *Western Speech*. 1961. No. 25. Pp. 153–167.

Nacos B.L. Donald Trump: Aggressive Rhetoric and Political Violence, in *Perspectives on Terrorism*. 2020. No. 5. Vol. 14. Pp. 2–25.

Transcript: Biden's First Campaign Speech of the 2024 Election Year. Available at: <https://www.usnews.com/news/politics/articles/2024-01-05/transcript-bidens-first-campaign-speech-of-the-2024-election-year> (accessed 7 July 2024).

Trump D.J. *The Art of the Deal*. New York: Ballentine Books, 2015. 384 p.

Tsesis A. *Destructive Messages: How Hate Speech Paves the Way for Harmful Social Movements*. New York: New York University Press, 2002. 246 p.

Tucker R.C. *Politics as Leadership*. University of Missouri Press, 1981. 224 p.

Статья принята к публикации 22.07.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-211-218

УДК 316.462

ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Бассак Артем Олегович

Отделение Российского исторического общества в Оренбургской области,
Оренбургский государственный педагогический университет
Оренбург, Россия
justsovux@yandex.ru

Любичанковский Сергей Валентинович

Оренбургский государственный педагогический университет,
Отделение Российского исторического общества в Оренбургской области,
Оренбург, Россия
svlubich@yandex.ru

Аннотация. В статье описаны подходы к вопросу определения феномена лидерства. Предложены различные подходы, в частности, конкретно-исторический анализ теории элит на материале отечественной истории. Важной частью работы стало определение соотношения власти между лидером и политической элитой на примере управленческих практик Ивана IV. В качестве дополнения к проблематике дискуссии предложен полемический подход к теории архаизации политических систем модерна. Так, возвращение к вождизму является, в определении степени, теорией, которая противоречит подходу политологов и социологов к проблеме политической элиты, природе власти в целом. Отмечается, что проблема определения природы лидерства как психолого-социологического феномена возможна лишь до определенной степени — однако важные политические практики всегда требуют изучения, исторического анализа. Вывод заключается в том, что институт власти, несомненно, претерпевает ряд исторических изменений, проходя сложные процессы архаизации — или, напротив, бюрократического усложнения, но при этом сам психологический феномен лидерства остается неизменным.

Ключевые слова: власть, лидерство, теория элит, архаизация, вождизм, харизма, типы лидерства.

Цитирование: Бассак А.О., Любичанковский С.В. Образ политического лидера и культурный контекст: опыт исторического анализа // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 211–218. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-211-218 // Bassak A.O., Lyubichankovsky S.V. The Image of a Political Leader and the Cultural Context: The Experience of Historical Analysis, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 3. Pp. 211–218. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-211-218.

© Бассак А.О., Любичанковский С.В., 2024

THE IMAGE OF A POLITICAL LEADER AND THE CULTURAL CONTEXT: THE EXPERIENCE OF HISTORICAL ANALYSIS

Bassak Artyom O.

Russian Historical Society in the Orenburg Region,
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia,
justsovux@yandex.ru

Lyubichankovsky Sergey V.

Orenburg State Pedagogical University,
Department of the Russian Historical Society in the Orenburg Region,
Orenburg, Russia,
svlubich@yandex.ru

Abstract. The article describes approaches to the issue of defining the phenomenon of leadership. Various approaches are proposed, in particular, a concrete historical analysis of the theory of elites based on the material of national history. An important part of the work was to determine the relationship of power between the leader and the political elite using the example of Ivan IV's managerial practices. As an addition to the problems of the discussion, a polemical approach to the theory of the archaization of modern political systems is proposed. Thus, the return to chiefdom is, to a certain extent, a theory that contradicts the approach of political scientists and sociologists to the problem of the political elite, the nature of power in general. It is noted that the problem of determining the nature of leadership as a psychological and sociological phenomenon is possible only to a certain extent – however, important political practices always require study and historical analysis. The conclusion is that the institution of power is undoubtedly undergoing a number of historical changes, undergoing complex processes of archaization – or, on the contrary, bureaucratic complication, but at the same time the psychological phenomenon of leadership itself remains unchanged.

Keywords: power, leadership, theory of elites, archaism, chiefdom, charisma, types of leadership.

В рамках дискуссии мы хотели бы оценить, вынести на дополнительное обсуждение вопрос о том, насколько само понятие лидерства зависит от отдельного взятого человека с политической волей. Кроме того, важно определить насколько лидерство зависит от контекста, корректно ли его называть полноценным социальным конструктом. В ряде ситуаций мы рассмотрим конкретные исторические практики, связанные с феноменом лидерства.

Так, образ политического лидера, безусловно, менялся на протяжении истории и во многом зависел от культурного контекста, но в то же время можно утверждать, что существуют некоторые универсальные черты, которые пронизывают различные эпохи и системы власти. Эти черты связаны с фундаментальной природой человека как социального существа. М. Вебер относил любое лидерство к природе социального действия [Вебер, 1990, с. 26], тенденции общественных отношений к созданию устойчивых структур, институтов. Однако любое лидерство, кроме традиционного, требует от человека не просто основания для власти, но и некоторые способности.

Поэтому чаще всего лидер всегда должен был быть чем-то большим, чем просто эффективным управляющим — если хочет сохранить свои притязания на власть. В этом смысле лидерство связано с ролью проводника коллективных стремлений. Сам правитель становится символом, который воплощает некие архетипические идеи для своей группы или нации. Даже в первобытных обществах вождь обладал не только властью, но и особыми качествами, которые позволяли ему объединять племя вокруг определенной идеи или цели. Это качество — способность представлять собой олицетворение общих чаяний — остается ключевым элементом политического лидерства на протяжении тысячелетий. Именно в данном контексте я бы остановился в нашей дискуссии на позиции, что некоторые аспекты власти постоянны, слабо меняются даже с развитием новых социальных институтов.

Однако, если смотреть на историю, невозможно игнорировать культурный контекст — который позволяет говорить о том, что другие аспекты лидерства, конечно, меняются. Мы говорим в первую очередь о ролевом наборе для лидера, совокупности социально ожидаемых черт. Смена ролевых ожиданий видна на простых примерах. Так, лидер из эпохи абсолютных монархий XVI–XVII вв. должен был воплощать силу, авторитет — которые были основаны на династиях, глубоких традициях, даже божественным правом на власть, в то время как лидер либеральных демократий XIX–XX вв. — компетентность и способность эффективно управлять институтами. Традиции, религиозные догмы и политическая культура каждой эпохи формировали конкретные представления о том, каким должен быть лидер.

Но насколько лидер является творцом политической системы, а не ее заложником? Здесь можно спорить. С одной стороны, можно утверждать, что политические лидеры вроде Наполеона I или В.И. Ленина действительно были творцами политических систем, они коренным образом изменили структуры власти в своих странах. Впрочем, в случае с В.И. Лениным возможны споры в области влияния его окружения, политической элиты. Однако с другой стороны, даже такие фигуры вынуждены были действовать в рамках определенных обстоятельств. Лидер, как

и все люди, является человеком своего времени, и он неизбежно подчинен политическим, экономическим и социальным условиям. Даже самый смелый революционер не в силах противостоять логике исторического процесса. Поэтому его взгляды во многом были обусловлены интеллектуальным левым дискурсом того времени, при футуристичности идеологии коммунизма они опирались на вполне уже усвоенные культурой идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. Соответственно, он мог построить только то государство, каким его мог видеть убежденный марксист начала XX вв.

Здесь особенно важна идея зависимости лидера от структур и институций, подчеркиваемая социологами, например, важна мысль П. Бурдьё: власть лидера обусловлена его способностью манипулировать «капиталами»: культурными, социальными и экономическими, которые создаются не им самим, а в результате долгого исторического процесса. Вообще, современный феномен лидерства достаточно интересно рассматривать именно через систему различных «капиталов» [Бурдьё, 2002 с. 61], поскольку современный лидер в реальной практике скорее организует их, чем создает новые политические смыслы. То есть современные социологи говорят скорее о возможности лидера управлять контекстом, но не создавать его.

Таким образом, лидер — одновременно и творец, и заложник. Он может влиять на политическую систему, но делает это в рамках ограничений, наложенных эпохой, культурой и структурой власти. Но есть другая школа мысли, которая, как упомянутый уже М. Вебер могут рассматривать лидера как творца, харизматическую фигуру [Вебер, 1998]. Интересный взгляд на это предлагает и сама история: противоречивая историческая практика демократий и авторитарных режимов XX в. доказала, что харизматическое лидерство как феномен играет большую роль в политическом процессе.

Здесь мы вплотную подходим к еще одному вопросу дискуссии — семантическому наполнению термина «вождь», его близости к феномену лидерства. Особенно остро эта тема звучит в конкретно-исторических условиях XX в., когда возник вопрос об архаизации политических структур — во многом из-за возвращения «вождизма». Интересно заметить, что понятие «вождь» используется для обозначения как предводителей первобытных племен, так и современных авторитарных лидеров. Можно ли считать, что феномен вождизма остается неизменным на протяжении всей истории, или же XX в. представил нечто новое?

Есть аргументы в пользу того, что вождизм — это универсальный феномен. Человеческая природа склонна к созданию иерархий и поиску фигуры, которая символизирует коллективные интересы. Элементы вождизма можно проследить на протяжении всей истории, начиная с военных лидеров больших общин до религиозных лидеров древних цивилизаций, которые использовали мифы и символику для поддержания своей власти. Эта тенденция связана с глубокой потребностью людей в социальной идентичности и символах, о чем писал Э. Дюркгейм, рассматривая важность коллективных представлений в создании социальной сплоченности [Дюркгейм, 1996, с. 7]. Социолог при этом отмечал постепенное усложнение социальных отношений, что действительно происходило по мере эволюции государственных отношений. Монархии прошли длинный путь: от деспотий до национальных государств.

Однако нельзя игнорировать тот факт, что XX в. действительно представил новый виток вождизма, который можно рассматривать как архаизацию политической культуры. Мелетинский, упомянутый вами, писал о ремифологизации — возвращении к примитивным и мифическим формам сознания в условиях модерна [Мелетинский, 2000]. Авторитарные лидеры XX в., Гитлер, Муссолини, использовали архаичные методы для создания массовой лояльности: мифологические образы, культ личности, апелляцию к коллективному бессознательному. Многочисленные марши, военная и религиозная эстетика создавали эффект монументальности. Эти лидеры превращались в «отцов нации», которые олицетворяли ее судьбу, что в значительной степени напоминало вождей первобытных племен. Это свидетельствует о том, что вождизм — это не только форма лидерства, но и способ мобилизации общества через мифы и символы.

Еще отметим, что специфика XX в., возможно, в том, что этот архаический стиль правления был возрожден в эпоху массовых коммуникаций и современных технологий. То, что было локальным феноменом вождизма в прошлом, в XX в. стало глобальным и приобрело новый масштаб благодаря пропаганде, митингам и средствам массовой информации. Современный вождизм связан с умением манипулировать массовым сознанием, превращая общество в пассивного наблюдателя за действиями харизматического лидера.

Таким образом, можно утверждать, что феномен вождизма сохраняется на протяжении всей истории, но его архаичные черты получили новую жизнь в XX в., благодаря условиям, которые открыла эпоха индустриализации — прежде всего СМИ.

Можно предположить, что политические системы, основанные на идее сильного лидера, сегодня вновь смотрятся несколько архаично. В условиях глобализации и усложнения политических и экономических процессов более жизнеспособны системы, где власть распределена, а решения принимаются на основе коллективного знания. Окружение лидера в таком контексте — это не просто советники, а своего рода системный «ум», который генерирует решения на разных уровнях. Тогда стоит задать вопрос: может ли быть, что лидер — это всего лишь публичная фасадная часть этой сложной машины? То есть вновь рассмотрим проблему с другого ракурса.

Опять же, возвращаясь к дискуссионным вопросам отметим, что в целом практика вождизма достаточно сильно связана с харизмой, по крайней мере вождь всегда хочет, чтобы его власть казалась основанной на его личных исключительных качествах, такова и первобытная природа вождизма. Харизматическое лидерство всегда было популярной темой в политической теории и культуре. Существует феномен народной любви, восхищения лидерами, которые способны привлекать массы, вдохновлять их и вести к великим свершениям. Однако давайте поставим под сомнение саму идею харизмы. Может быть, харизма — это миф, созданный не столько самим лидером, сколько обществом и медийным пространством?

Однако мы утверждаем, что харизма лидера — это, по сути, феномен восприятия. Она зависит не только от качеств самого человека, но и от потребностей общества в конкретный момент. В условиях тяжелых времен, перемен люди склонны

приписывать лидерам особые качества, которые кажутся им решающими. Это создает образ «сверхчеловека», который способен справиться с любой проблемой. Однако стоит задать вопрос: а насколько эти ожидания оправданы? Лидер, обладающий харизмой, необязательно является компетентным руководителем. Скорее, харизма — это эмоциональная связь, которая может как привести к подъему общества, так и к катастрофическим ошибкам.

Вполне адекватно утверждать, что харизма, следуя идеям постмодернистов, это форма массовой иллюзии, которая возникает в моменты кризиса, когда рациональные механизмы власти ослабевают. Харизматический лидер заполняет вакуум, оставленный ослабленными институциями. Но харизма не может быть долгосрочной основой для эффективного управления. В то время как институциональные механизмы власти строятся на рациональных принципах и проверяются временем, харизма мгновенна и эфемерна. Она может быть эффективной в моменты хаоса, но как только ситуация стабилизируется, харизматическое лидерство становится источником проблем.

Можно даже задаться вопросом: является ли культ харизматического лидера препятствием для подлинного развития общества? В долгосрочной перспективе обществу требуется не лидер-сверхчеловек, а стабильные институты, которые могут обеспечить преемственность власти и предсказуемость решений. Харизма может быть полезной для кратковременной мобилизации, но она часто отвлекает общество от системного решения проблем, так как слишком многое замыкается на одной фигуре. В этом смысле современные демократии, которые часто обвиняют в «серости», являются логичным ответом на угрозу замещения харизматическим лидером, который опасен для «глубинного государства» и институтов в целом. Интересно, следуя вопросам дискуссии, посмотреть на проблему лидерства с еще одной стороны. Как в нашей стране соотносился вождизм и харизматическое лидерство, соборность и демократия?

Сравнение российской и зарубежной политической культуры в контексте представлений о лидерстве и властной харизме является актуальной, проблемной темой для анализа. Исторически российская политическая традиция формировалась под влиянием как западных, так и восточных моделей правления, создавая уникальную политическую культуру, в которой переплелись элементы автократии и патернализма.

Русская традиция власти, начиная с Московского царства, была тесно связана с образом правителя как «отца нации». Царь всегда воспринимался как сакральная фигура, носитель божественной власти. Это восприятие усилилось при Петре I, который, помимо прочего, строил регулярное государство, и сохранялось в течение всего периода империи. Вебер, вводя понятие «властной харизмы», утверждал, что в таких культурах, как российская, харизматическое лидерство играет ключевую роль, что особенно видно на примере таких фигур, как Иван Грозный, Петр Великий — отдельные историки продолжают эту линию даже на советский период. Харизматический лидер, обладая почти божественной легитимностью, может оправдывать любые действия ради высшего блага.

В то же время, на Западе, особенно начиная с эпохи Просвещения, концепция власти стала смещаться в сторону рационализма и бюрократизации. В западной политической традиции харизма лидера постепенно уступила место правовым и институциональным механизмам власти. В России же, как пишет Тютчев, есть «особенная статья», которая делает ее отличной как от Запада, так и от Востока. Влияние византийской традиции, а также нашествия монголов и создали уникальную политическую систему. В этом смысле даже на советском этапе, или после — при президентстве Б. Ельцина во власти можно было увидеть патерналистские черты. Но есть ли в этом патернализме — или симбиозе демократии и сильной власти место политической элите?

Из дискуссионных вопросов наиболее важным представляется давний вопрос, актуализированный еще в трудах Парето — насколько адекватно говорить о том, что такое лидер — один человек с сильной политической волей, или все-таки портрет лидера строится из элиты, его окружения [Осипова, 1999]. На самом деле, в нашей истории есть множество примеров, которые показывают, что реальная общественная, историческая практика может быть несколько сложнее теоретических построений. Рассмотрим дихотомию лидер — элита на примере правления Ивана IV. Здесь могут столкнуться сразу две школы мысли — мы можем увидеть в молодом Иване IV человека, полностью зависимого от своего избранного круга, мнения старших бояр, духовника Сильвестра или митрополита Макария, чуть позже это будут немного другие люди, но пафос остается тем же — политику монарха определяют взгляды его наиболее талантливых, просвещенных подданных, поэтому он проводит череду успешных, нужных для государственной эволюции реформ, присоединяет новые территории. И по мере того, как растут его личные успехи, авторитет власти, он начинает отдаляться от советников. По мере отдаления также уходят и успехи, страна приходит к опричнине — из-за отдаления царя от бояр, от дворян, от простых людей. Но ведь эту оптику можно перевернуть: нельзя сказать, что в 60-ых и 70-ых у царя не было политической элиты, которая на него влияла. Она была, более того, оставались некоторые члены избранной рады, большую роль начали играть дворяне или будущие опричники [Володихин, 2016].

То есть это слишком упрощенный нарратив — говорить о том, что именно опора на политическую элиту, или даже народ, если рассматривать практику соборов, обеспечивала стране успешное и планомерное развитие. Но также упрощением будет утверждать, что власть — это политическая воля лишь одного человека. Потому что Иван IV действительно — в той или иной степени — прислушивался к советникам и по вопросам начала войны, и принятия новых реформ, ради последнего он даже созвал Земский Собор, расширяя понятие «власть» в стране.

Таким образом, правление сильной личности и правление «по соглашению» с ближайшим окружением — это два полюса, между которыми постоянно колеблется политическая реальность. В разных исторических ситуациях мы можем наблюдать как зависимость лидеров от своих советников, так и моменты, когда лидер полностью автономен и становится единственным источником власти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бурдьё П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. № 5. С. 60–73.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Вебер М. Харизматическое господство // *Социологические исследования*. 1998. № 5. С. 139–147.
- Володихин Д. М. Иван и его окружение. М.: Академический проект, 2016. 614 с.
- Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. к исследованию коллективных представлений. М.: Восточная литература, 1996. С. 6–73.
- Лазуткина Е. В. Некоторые вопросы теории элиты Вильфредо Парето и современность // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ)*. 2014. № 2(28). С. 171–175.
- Мелетенский Е. М. Поэтика мифа. М.: РАН, 2000. 406 с.
- Осипова Е. В. Социология Вильфредо Парето: политический аспект. М.: ИСПИ РАН, 1999. 103 с.

REFERENCES

- Bourdieu P. *Formy kapitala* [Forms of capital], in *Economic sociology*. 2002. No. 5. Pp. 60–73 (in Russian).
- Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress, 1990. 808 p. (in Russian)
- Weber M. *Harizmaticheskoe gospodstvo* [Charismatic domination], in *Sociological research*. 1998. No. 5. Pp. 139–147 (in Russian).
- Volodikhin D. M. *Ivan i ego okruzhenie* [Ivan and his entourage]. Moscow: Academicheskiiy project, 2016. 614 p. (in Russian)
- Durkheim E., Moss M. *O nekotorykh pervobytnykh formakh klassifikatsii. k issledovaniyu kolektivnykh predstavlenij* [On some primitive forms of classification. the study of collective representations]. Moscow: Orientalnaya literatura, 1996. Pp. 6–73 (in Russian)
- Lazutkina E. V. *Nekotorye voprosy teorii elity Vil'fredo Pareto i sovremennost'* [Some questions of the theory of the elite of Wilfredo Pareto and modernity], in *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Bulletin of the KSPU)*. 2014. No. 2 (28). Pp. 171–175 (in Russian)
- Meletensky E. M. *Poetika mifa* [The poetics of myth]. M.: RAS, 2000. 406 p. (in Russian)
- Osipova E. V. *Sotsiologiya Vil'fredo Pareto: politicheskii aspekt* [Sociology of Wilfredo Pareto: a political aspect]. Moscow: ISPI RAS, 1999. 103 p. (in Russian)

Статья принята к публикации 22.07.2024

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР В ПОИСКЕ ОБРАЗА: ДИНАМИКА И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аникин Даниил Александрович

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
dandee@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования в легитимации политического лидера образов прошлого. Подбор этих образов, а также их эффективность с точки зрения обоснования действий политического лидера и поставленных им целей определяется мемориальной культурой, под которой понимается совокупность мемориальных дискурсов, конструирующих коллективную идентичность. Мемориальная культура представляет собой пространство формирования и сохранения исторических образов, на которые ориентируется политический лидер в процессе осуществления собственной деятельности. Влияние мемориальной культуры на позицию политического лидера осуществляется в следующих аспектах. Во-первых, важным элементом придворной культуры является использование исторических аналогий для уподобления монарха тем или иным выдающимся деятелям прошлого. Аналогии играют в этом случае конструирующую роль, причем не только по отношению к самому политическому деятелю, но и по отношению к той ситуации, которая рассматривается как исходная по отношению к современному политическому действию. Во-вторых, в условиях династического государства важным фактором подчеркивания исторической преемственности и политических интересов становится имянаречение, что отчетливо проявляется в ономастических традициях российской императорской семьи. В-третьих, большое значение в условиях современного общества приобретают медиа-репрезентации исторических персонажей, которые в публичном восприятии могут коррелировать с действиями актуальных политических лидеров. Вместе с тем, любой образ характеризуется амбивалентностью, поэтому его публичное использование может привести к символическому перекодированию с целью критики политического лидера и его деятельности.

Ключевые слова: политический лидер, мемориальная культура, исторические аналогии, амбивалентность, образ прошлого, имянаречение.

A POLITICAL LEADER IN SEARCH OF AN IMAGE: THE DYNAMICS AND AMBIVALENCE OF MEMORIAL CULTURE

Anikin Daniil A.

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
dandee@list.ru

Abstract. The article deals with the problem of using images of the past in legitimizing a political leader. The selection of these images, as well as their effectiveness in terms of justifying the actions of a political leader and his goals, is determined by memorial culture, which is understood as a set of memorial discourses that construct a collective identity. Memorial culture is a space for the formation and preservation of historical images, which the political leader focuses on in the process of carrying out his own activities. The influence of memorial culture on the position of a political leader is carried out in the following aspects. Firstly, an important element of court culture is the use of historical analogies to liken the monarch to one or another prominent figure of the past. Analogies play a constructive role in this case, not only in relation to the politician himself, but also in relation to the situation that is considered as the initial one in relation to modern political action. Secondly, in the conditions of a dynastic state, naming becomes an important factor in emphasizing historical continuity and political interests, which is clearly manifested in the onomastic traditions of the Russian imperial family. Thirdly, media representations of historical characters, which in public perception may correlate with the actions of current political leaders, are of great importance in modern society. At the same time, any image is characterized by ambivalence, so its public use can lead to symbolic recoding in order to criticize the political leader and his activities.

Keywords: political leader, memorial culture, historical analogies, ambivalence, image of the past, naming.

Цитирование: Аникин Д.А. Политический лидер в поиске образа: динамика и амбивалентность мемориальной культуры // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 219–227. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-219-227 / Anikin D.A. A Political Leader in Search of an Image: The Dynamics and Ambivalence of Memorial Culture, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 3. Pp. 219–227. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-219-227.

© Аникин Д.А., 2024

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР: МЕЖДУ «ТЕОРИЕЙ ЧЕРТ» И «ТЕОРИЕЙ СРЕДЫ»

Зависимость лидера от социокультурного контекста может рассматриваться в нескольких ракурсах, которые обычно сводятся к противопоставлению личных качеств политического лидера и тех объективных обстоятельств, которые способствовали его выдвижению на первый план. Абсолютизация первого фактора приводит к возникновению «теории черт», при которой возможность человека стать политическим лидером соотносится с определенным набором качеств, которые могут обеспечить ему преимущество по отношению к менее удачливым индивидам.

Проблема излишней абсолютизации подобной позиции кроется в невозможности формализовать те качества, которые способны обеспечить политическое лидерство, в результате чего приходится обращаться к принципу «золотой середины». По словам Н. Макиавелли: «...Один щедр, другой скуп...; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же — воздерживаться по мере сил, но не более» [Макиавелли, 1990, с. 138].

Другим полюсом осмысления политического лидерства является «теория среды», согласно которой сама по себе личность лидера не имеет особого значения, а гораздо более важным фактором становится востребованность фигуры вождя в силу происходящих социально-политических процессов. Например, еще Г.В. Плеханов отмечал, что большее значение для лидера имеет не набор конкретных качеств, который еще не гарантирует занятие и сохранение доминирующего места в политической иерархии, а внешние условия, которые определяют потребность в том или ином типе лидера. «Личность может проявить свои таланты только тогда, когда она займет необходимое для этого положение в обществе. Почему судьба Франции могла оказаться в руках человека, лишённого всякой способности и охоты к общественному служению? Потому что такова была ее общественная организация. Этой организацией и определяются в каждое данное время те роли, — а следовательно, и то общественное значение, — которые могут выпасть на долю даровитых или бездарных личностей» [Плеханов, 1956, с. 138].

Нетрудно заметить, что каждый из предложенных вариантов стремится к абсолютизации либо психологических, либо социологических факторов, влияющих на появление политического лидера. При этом, вне рассмотрения остается вопрос того, как политический лидер (вне зависимости от природы формирования своей доминирующей роли) оказывается зависим от исторического контекста. И речь вовсе не о том, что любой лидер стремится вписать свое имя в историю, оставшись

в памяти потомков, а о том, что на определенном этапе своего политического развития он оказывается зависим от тех исторических образов, которые должны обеспечить его восприятие в контексте великих предков.

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Какие аспекты влияния мемориальной культуры на деятельность политического лидера можно выделить?

Самый очевидный – уподобление политического лидера определенному историческому деятелю, причем в данном случае совершенно неважным становится тот факт, является ли этот деятель достоверной фигурой или результатов мифогизации. В конце концов, политический лидер (или его окружение, не менее заинтересованное в укреплении достигнутого политического порядка и своей роли в этом порядке) имеет дело всего лишь с образом прошлого, который, однако, имеет определенные коннотации в современной ему культуре.

Например, культура российской аристократии XVIII в. представляет собой сознательную актуализацию образов античного прошлого, в чем можно видеть не столько наследие еще средневековой традиции установления политической преемственности от императора Августа («Сказание о князьях Владимирских»), сколько попытку представить себя как часть общеевропейской культуры с античными корнями.

Разумеется, что образы античного прошлого (событий и персонажей) стали существенным элементом общих представлений о прошлом, для обозначения которых можно использовать термин «мемориальная культура».

Понятие мемориальной культуры, активно используемое А. Ассман для обозначения совокупности различных мемориальных дискурсов, конструирующих коллективную идентичность, представляется хорошим вариантом для обозначения того культурного контекста, который определяет закономерности использования самим политическим лидером (или применения по отношению к нему) тех или иных исторических образов или аналогий [Ассман, 2014, с. 29–34]. Разумеется, образ представляет собой более широкое понятие, которое характеризует все многообразие отсылок к прошлому, в т.ч., и восприятие отечественной истории через призму стереотипизированных образов античных персонажей.

Исторические аналогии представляют собой важный способ использования образов прошлого, непосредственно связанный с конструированием не только современного события, но и того образа прошлого, который должен ему соответствовать [Беклямишев, 2021, с. 92–107]. Иначе говоря, проводя аналогию между поведением политического лидера и действием определенного исторического персонажа, мы совершаем достаточно сложную дискурсивную операцию, в ходе которой нам приходится не только прибегнуть к определенному анахронизму (поскольку мы

соотносим между собой события, произошедшие в различные исторические эпохи и в совершенно различных социокультурных контекстах), но и опираемся на ту степень допустимости интерпретации исторического действия, которая определяется мемориальной культурой.

Понятие мемориальной культуры в данном случае оказывается существенно шире исторической политики, поскольку позволяет выйти за пределы официальных (или полуофициальных, как в придворной культуре XVIII в.) действий, направленных на уподобление политического лидера конкретному историческому персонажу, добавляя любым подобным ассоциациям толику двусмысленности и неоднозначности.

Вслед за Ю.М. Лотманом можно сказать, что античная символика стала той семиотической рамкой, посредством которой российская культура осмысливала события собственной истории, соотнося их с теми событиями и персонажами прошлого, которые были известны каждому представителю аристократического сообщества посредством переводных текстов. Не является исключением и публичная репрезентация политических лидеров, прежде всего, российских монархов.

В качестве примера можно привести известное уподобление российской императрицы Екатерины II целому ряду античных персонажей — от Астреи до Фелицы, наиболее известной из которых стала, пожалуй, Семирамида [Проскурина, 2006]. Образ легендарной ассирийской царицы неоднократно использовался в европейской культуре для обозначения правительницы, но по отношению к Екатерине II он приобрел характер устойчивого стереотипа, что демонстрировало, однако, известную двойственность. С одной стороны, этот образ можно было трактовать как весьма комплиментарный, подчеркивающий способность и возможность женщины быть эффективным правителем (А.П. Сумароков несколько раз именно в таком контексте сравнивает Екатерину и Семирамиду). А с другой — образ Семирамиды, особенно после одноименной трагедии Вольтера, ставил не очень приятные вопросы о способах обретения престола женщиной. В этом стоит видеть обратную сторону использования любого исторического образа, который является амбивалентным по самой своей природе. Поскольку любое отождествление предполагает выбор лишь одного из элементов образа, то приписывание политическому лидеру другого аспекта, используемого для его репрезентации исторического образа, позволяет превратить позитивное восприятие в негативное, а объект восхваления — в объект для критики.

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ МЕМОРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Впрочем, взаимоотношение политического лидера с образами прошлого может выражаться и в другом аспекте, который редко рассматривается в рамках исследования мемориальной культуры и исторической политики.

Существенным элементом практики вписывания лидера (будущего, разумеется) в контекст определенной мемориальной культуры является имянаречение.

В условиях формирования национальных культур и формализации соответствующей политики памяти этот аспект постепенно отходит на задний план, но для династических государств он остается весьма существенным, что подтверждается примерами из отечественной истории. А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский продемонстрировали, как закономерности выбора имени отражали тесную связь между актуальной политической повесткой и теми мемориальными традициями, которые существовали в аристократической среде [Литвина, Успенский, 2006].

Показательно, что в истории династии Романовых можно увидеть несколько ярких примеров того, как имя ребенка — не обязательно старшего, но, в условиях большой детской смертности, являвшегося кандидатом на политическое лидерство — напрямую отсылало к тем образам прошлого, которые становились элементом актуальной политики. Самый наглядный пример — с наречением второго внука Екатерины II неожиданным для отечественного императорского имяслова именем Константин. Имея отчетливые греческие коннотации, подобное наречение отражало суть внешнеполитического «греческого проекта» Екатерины, направленного на формирование образа России как защитницы православия, что в прикладном геополитическом смысле означало стремление к контролю над проливами Босфор и Дарданеллы, а также поддержку греческого освободительного движения с потенциальной задачей формирования отдельной государственности. Несмотря на то, что «греческий проект» так и не был реализован на практике, использование имени Константин в императорской семье закрепилось, образовав уже собственную ономастическую традицию.

Другой пример связан с возникновением в российской правящей семье имени Александр, что напрямую отсылает к образу одного из наиболее популярных исторических персонажей — святого благоверного князя Александра Ярославича (Невского). Выступая в качестве политического лидера и причисленного к лику святых, он стал очень удачной фигурой в качестве духовного покровителя для целого ряда российских монархов — от Александра I до Александра III. Фритьюф Шенк указывает, что основанием для актуализации и существенной трансформации образа Александра Невского стали события Северной войны, поставившие вопрос исторического обоснования для претензий России на балтийское побережье [Шенк, 2007, с. 130–141]. Хотя, ради справедливости стоит добавить, что первый пример использования имени Александр в имяслове Романовых относится еще к самому концу XVII в. — такое имя носил умерший в младенчестве сын Петра I.

Эти примеры позволяют отчетливо продемонстрировать, что в условиях династического государства использование имени становится важным фактором легитимации политического лидера. Имянаречение не только позволяет установить преемственность внутри одной династии, но и легитимировать потенциальные претензии на символическое наследие совершенно иных политических традиций.

Разумеется, в условиях демократизации политического порядка роль имянаречения в контексте поддержания и развития мемориальной культуры существенно снижается, но полностью не исчезает. По крайней мере, закономерности

складывания политической элиты в демократическом обществе показывают, что отсылки к значимым (в политическом смысле) предкам продолжают оставаться важным элементом для выбора имени представителей последующих поколений.

В ПОИСКАХ ИДЕАЛА: ОБРАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ И МЕДИА-РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Всегда ли отождествление политического лидера с его историческим аналогом выступает предметом публичного дискурса? В некоторых случаях (хвалебные оды XVIII в.) сам факт подобного соотношения является «секретом Полишинеля», становясь, скорее, предметом гордости для субъекта подобного отождествления. Но чаще складывается иная ситуация — актуализация тех или иных образов (зачастую, весьма неоднозначных) позволяет установить подобное соотношение, причем даже более значимым аспектом оказывается не то, как политический лидер относится к такому отождествлению, а то, что эта связь устанавливается самими носителями мемориальной культуры.

Наиболее показательно это можно продемонстрировать на примере актуализации ряда исторических образов политических лидеров в сталинском СССР, когда напрямую никто не проводил публичные аналогии между образами самого И.В. Сталина и выдающихся деятелей прошлого. Но сам факт подчеркнутого внимания профессиональных историков, литераторов и кинематографистов к этим фигурам, поддерживаемый партией и правительством, не мог не создать устойчивых ассоциаций между деятельностью актуального политического деятеля и обоснованием/оправданием тех действий, которые совершались политическими деятелями предшествующих эпох.

В. Тихонов приводит очень показательную цитату из Л. Фейхтвангера, демонстрирующую аналогию между фигурами советского политического руководства, и, как ни странно, персонажами античной истории: «Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его «умножителем» во всех отношениях» [Тихонов, 2024, с. 67]. Но если такая историческая метафора оставалась уделом для узкого круга специалистов по истории античности, то гораздо большее значения имела актуализация образов из отечественной истории, к тому же сопровождающаяся возникновением их публичных репрезентаций. Речь идет о фигурах Петра I и Ивана Грозного.

В первом случае речь шла лишь о символическом присвоении того образа, который и без того входил в исторический пантеон дореволюционной России. Петр I занимал особое место в коммеморативных практиках императорской семьи на всем протяжении существования Российской империи, поэтому и в условиях увеличения интереса к отечественной истории в 30-е гг. XX в. потребовалось лишь слегка подретушировать его образ, чтобы он демонстрировал черты реформатора и государственного деятеля, заботящегося о консолидации всех народных

ресурсов для экономического прорыва (связь с индустриализацией была вполне очевидна).

Ситуация с Иваном Грозным более интересна. Обладая достаточно очевидными негативными коннотациями, образ «грозного царя» был существенно переосмыслен именно в сталинском СССР, приобретая черты сурового борца с центробежными тенденциями в процессе существования российской государственно. И, конечно, здесь показательным примером становится ситуация с фильмом С. Эйзенштейна «Иван Грозный», где демонстрация реформ царя сделала режиссера лауреатом Сталинской премии, а демонстраций опричных казней – опальным.

В качестве итогов хочется отметить, что применение исторических образов и аналогий является важным элементом имиджа политического деятеля. Вне зависимости от способа конфигурации политического пространства, обращение к ресурсам мемориальной культуры позволяет сформировать тот символический капитал, который выступает источником легитимации и даже обоснования политических претензий.

В чем сложность и неоднозначность использования исторических образов для легитимации политического лидера? Прежде всего, в амбивалентности самого образа, который может приобретать не только позитивные, но и негативные черты в зависимости от способа его интерпретации. Исторический образ – это обоюдоострое оружие, которое может не только защитить лидера, но и сделать его уязвимым от внутренней или внешней критики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.

Беклямишев В.О. К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // *Вестник Московского Университета. Политические науки.* 2021. № 6. С. 92–107.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.

Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. 84 с.

Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 2. Москва: Госполитиздат, 1956. 828 с.

Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.

Тихонов В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 368 с.

Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.

REFERENCES

- Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: NLO, 2014. 328 p. (in Russian).
- Beklyamishev V.O. K voprosu ob izuchenii istoricheskikh analogii v politicheskom dis-kurse: opisaniye problemnogo polya [On the issue of studying historical analogies in political discourse: description of the problem field], in *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Politicheskie nauki*. 2021. No. 6. Pp. 92–107 (in Russian).
- Litvina A. F., Uspenskii F. B. *Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of the name of the Russian princes in the X–XVI centuries. Dynastic history through the lens of anthroponymy]. Moscow: Indrik, 2006. 904 p. (in Russian)
- Makiavelli N. *Gosudar'* [The Prince]. Moscow: Planeta, 1990. 84 p. (in Russian)
- Plekhanov G.V. K voprosu o roli lichnosti v istorii [On the question of the role of person-ality in history], in Plekhanov G.V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya*. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat, 1956. 828 p. (in Russian).
- Proskurina V. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [Myths of the Empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 328 p. (in Russian).
- Tikhonov V. *Poleznoe proshloe. Istoriya v stalinskom SSSR* [A useful past. History in the Stalinist USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 368 p. (in Russian).
- Shenk F.B. *Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamyati* [Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 592 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 22.07.2024

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-228-240

УДК 93/94

«БРЕМЯ ПЕРВЫХ»: СОВЕТСКИЕ ВОЖДИ МЕЖДУ ОБРАЗОМ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ РЕАЛИЯМИ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Пономарева Мария Александровна

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
ponomariya@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу образов «советских вождей», сложившихся в современной историографии, с реалиями политического развития в СССР в позднесоветский период. Автор рассматривает эволюцию подходов к изучению образов советских вождей. Опираясь на ряд концепций, таких как, имагология, решенческий подход, позиционный подход, биографический метод, просопографический метод, автор рассматривает характерные черты советских лидеров (Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко, М.С. Горбачева), выделяет их общие и особенные черты в коллективном биографическом портрете. В статье изучается поэтапное изменение факторов, влияющих на самостоятельность в принятии решений первыми лицами государства. Приводятся примеры такого рода факторов. Особое внимание уделяется роли общества и политических деятелей «второго плана» в изменении стиля руководства и механизмов принятия решений советскими вождями. Автором обосновывается необходимость формирования многостороннего образа советских лидеров позднесоветского периода. Делается вывод о зависимости между целями и задачами, которые стояли перед СССР на конкретном подэтапе и методами принятия решений политическим руководством страны.

Ключевые слова: СССР, позднесоветский период, советские вожди, советская номенклатура, власть и общество, общественные представления, политические роли

Цитирование: Пономарева М.А. «Бремя первых»: советские вожди между образом и политическими реалиями позднесоветского периода // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 228–240. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-228-240 / Ponomareva M.A. "The Burden of the Former": Soviet Leaders between the Image and the Political Realities of the Late Soviet Period, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 3. Pp. 228–240. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-228-240.

© Пономарева М.А., 2024

“THE BURDEN OF THE FORMER”: SOVIET LEADERS BETWEEN THE IMAGE AND THE POLITICAL REALITIES OF THE LATE SOVIET PERIOD

Ponomareva Maria A.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
ponomariya@sfedu.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the images of “Soviet leaders” that have developed in modern historiography with the realities of political development in the USSR in the late Soviet period. The author examines the evolution of approaches to the study of images of Soviet leaders. Based on a number of concepts, such as imagology, the decision approach, the positional approach, the biographical method, the prosopographic method, the author examines the characteristic features of Soviet leaders (N.S. Khrushchev, L.I. Brezhnev, Yu.V. Andropov, K.U. Chernenko, M.S. Gorbachev), identifies their common and special features in the collective a biographical portrait. The article examines the gradual change of factors affecting independence in decision-making by top officials of the state. Examples of such factors are given. Special attention is paid to the role of society and “secondary” political figures in changing the leadership style and decision-making mechanisms of Soviet leaders. The author substantiates the need for the formation of a multilateral image of Soviet leaders of the late Soviet period. The conclusion is made about the dependence between the goals and objectives that the USSR faced at a specific sub-stage and the methods of decision-making by the country’s political leadership.

Keywords: USSR, late Soviet period, Soviet leaders, Soviet nomenclature, government and society, public perceptions, political roles.

Деятельность партийных и государственных руководителей в СССР оценивалась исходя из принципов соответствия ленинским идеям, задачам построения «интернационального единства» и «новой исторической общности — советского народа» [Грошев, 1967]. В зарубежной историографии этого периода основной интерес вызывали вопросы, связанные с практической реализацией в СССР провозглашенных демократических принципов, низовой демократии и возможностями политической эволюции КПСС и политической системы советского общества в целом [Rustov, 1970, p. 337–364; *Communist Studies*, 1969; Hough, 1977; *Pluralism in the Soviet Union*, 1983, p. 27–28].

Интерес к особенностям развития номенклатурной элиты в СССР ярко проявился в работах авторов, которые на сегодняшний момент можно считать хрестоматийными в вопросах описания характерных черт советских вождей, а также факторов, влиявших на формирование и развитие советского номенклатурного аппарата. Первые труды А.Г. Авторханова по рассматриваемой тематике увидели свет еще в 1950-е гг., например, «Технология власти» [Авторханов, 1991]. В дальнейших своих работах автор обращает внимание на попытки трансформации политической системы СССР, делает попытку разобраться в проблеме соотношения изначальных идеологических установок авторитарного социализма и его последующих наслоений, вызванных необходимостью адаптации к изменившимся историческим реалиям. Согласно взглядам, высказанным А.Г. Авторхановым в ряде его работ, в своей сущности советская идеология и политический режим, функционировавший на ее основе, оставались неизменными, трансформировались только формы их реализации [Авторханов, 1986].

Известный историк и социолог М.С. Восленский в книге «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза», выявил и проследил основные исторические тенденции формирования и функционирования номенклатуры, как особого советского правящего класса; установил его характерные черты в условиях развития левой авторитарной идеологии; определил условия их взаимодействия. Основой существования в СССР номенклатуры М.С. Восленский считает потребность в достижении и обладании властью, а ее собственность и привилегии являются лишь следствием состояния властвования. В связи с этим автор вводит новый термин — «номенклатурная идеология» — идеология правящей советской элиты, основной характерной чертой которой является великодержавие, экспансия во внутренней и внешней политике [Восленский, 2005].

В новейшей историографии авторы все чаще обращаются к просопографическому методу, создавая портреты эпохи через коллективные биографии исторических лиц, в первую очередь, имеющих значимое влияние на изменение исторического процесса [Юмашева, 2022, с. 1–15]. Среди таковых можно назвать серию политических биографий «Русский путь»: «Н.С. Хрущев: Pro et Contra», «Л.И. Брежнев: Pro et Contra», «М.С. Горбачев: Pro et Contra» [Чистиков, 2023; Рябова, 2023; Пученков, 2023]. Все большую значимость приобретает биографика, позволяющая сосредоточиться на формировании образа конкретной исторической личности. Появляются исследования, посвященные отдельным советским вождям, у авторов которых мы встречаем «человеческие» черты, видим в них персоны, чья деятельность была направлена

на позитивные изменения в СССР, в работах присутствует многомерный взгляд на деятельность политических лидеров [Шаттенберг, 2018; Круглов, 2014]. Ранее подобного рода подходы встречались преимущественно в воспоминаниях и мемуарах [Александров-Агентов, 1994]. Однако, в целом в восприятии современного общества преобладают оценки, сложившиеся в зарубежной историографии 1960–1980-х гг. и воспринятые российскими исследователями в 1990-е гг. [Streissguth, 1992; Коржихина, Фигатнер, 1993, с. 25–38]. Среди характеристик советских вождей мы по-прежнему встречаем следующие характерные черты: узость в следовании марксистской идеологии, медлительность в принятии решений, замкнутость в рамках номенклатурной группы, ограниченность или даже неспособность в принятии оригинальных и быстрых политических решений, противодействие процессу ротации элит, следовательно, действию социальных и политических лифтов, искусственное поддержание существенных различий между уровнем жизни политической и экономической элиты и основными слоями советского общества, неприемлемость со стороны руководства отличных от принятых на властном уровне взглядов и представлений на общественное устройство, в итоге – отсутствие интереса со стороны руководства к поиску приемлемых решений для интенсивного развития страны в ответ на новые вызовы. Данные характерные особенности советских руководителей, выделенные в ранней постсоветской историографии, к настоящему времени уже фактически вошли в общественное сознание и представляются обобщающим образом позднесоветской номенклатуры в целом.

Проблематизация данного вопроса, с одной стороны, лежит в плоскости имагологии и формирует ответ на вопрос о сохранении образов стиля политического руководства позднесоветских лидеров. С другой стороны, ответ на вопрос, можем ли мы выделить некоторую совокупность черт и характеристик, являющихся вневременной константой, производных от самой сути человека как социального существа, а не от облика эпохи, национальных традиций, конкретных обстоятельств и ситуаций, лежит в плоскости понимания смены духовного склада общества, структур повседневности и социально-политических отношений.

Основываясь на выводах Ф. Броделя, мы можем отметить, что характеристика позднесоветского периода, на который пришелся пик политического влияния «советских вождей» начиная от Н.С. Хрущева вплоть до М.С. Горбачева, основывается на трех составляющих: конъюнктура, структура, духовный склад [Бродель, 1986–1992]. Так, структура позднесоветского времени со временем становится все более замкнутой: происходит сращивание партийной и государственной номенклатуры, и в данных условиях политический лидер одновременно становится и довлеющим фактором в реализации государственной политики, и теряет самостоятельность в принятии решений, подчиняясь мнению определяющего политику меньшинства (будь то триумvirат «Берия-Маленков-Хрущев», «антипартийная группа», «коллективное руководство», или официальные Президиум ЦК КПСС, Политбюро ЦК КПСС). Таким образом, можно утверждать, что в период с 1953 по 1991 г. постепенно развивался противоречивый процесс: с одной стороны, усиливался фактор влияния на общество политического лидера страны, с другой стороны, государственные решения становились все менее личными, и все более были опосредованными

ответами на запросы окружения. Можно утверждать, что структура принятия решений оставалась неизменной, обусловленной такими факторами, как: идеологическая обусловленность, определяющее влияние на общественное развитие образов «свой»-«чужой», противостояние двух систем во внешней политике СССР, плановый характер экономики, административная система принятия решений и т.д. Вместе с тем, конъюктура определенным образом менялась в зависимости от обстоятельств: каждый последующий политический лидер вынужден был принимать решения в контексте изменяющихся экономических условий (все более усугубляющийся кризис планового хозяйства и директивной экономики), углубления противоречий между все более отчуждаемой от политических реалий властью и общественными ожиданиями, постоянно усиливающимся непостоянством в определении идеологических и экономических партнеров на внешнеполитической арене и т.д. Таким образом, противоречие между структурой и конъюктурой позднесоветского общества приводило к тому, что принимаемые политической элитой решения, в конечном итоге, сохранили устойчивые во времени, сопротивляющиеся изменениям, черты советских вождей, которые выше были сформулированы в качестве обобщающих характеристик для всех руководителей советского государства в рассматриваемый период.

Еще один важный аспект, который необходимо учитывать при ответе на заявленные вопросы, является понимание времени «большой» и «малой» длительности» (*la longue durée, le temps bref*), то есть времени существования наиболее прочных «структур» и длительных процессов общественного развития, и времени быстро протекающих событий или индивидуальной жизни человека. Длительность жизни каждого советского лидера являлась частью всего процесса позднесоветского развития и таким образом подчинялась процессам изменений экономических и политических отношений в стране, с другой стороны, в рамках «короткого» времени представляла собой целый ряд подэтапов влияния на реформирование советского государства, которые в целом совпадают с пребыванием в должности того или иного политического лидера. Так, и Н.С. Хрущев, и Л.И. Брежнев, и Ю.В. Андропов, и К.У. Черненко, и М.С. Горбачев — каждый из них проводил конкретные реформы, которые в целом укладывались в единый процесс «долгого развития». Несколько менее данный вывод может затрагивать период правления К.У. Черненко вследствие кратковременности и невозможности полноценного влияния на развитие общественных и хозяйственных процессов в стране, но именно вследствие кратковременности личного участия в руководстве страной и этот советский вождь вполне вписывается именно в процесс «долгого развития».

Интересен также для анализа роли советских вождей в общественно-политической системе позднесоветского общества т.н. «решенческий подход» («Кто правит?») к изучению элит Роберта Даля. Согласно этому подходу, в элиту входят те, кто принимает важные решения, оказывающие воздействие на многих людей или существенное влияние на принятие таких решений. При чем, между теми, кто принимает решения, и теми, кто занимает высшие позиции в иерархии, присутствует значительное соответствие [Даль, 2003]. Его вполне дополняет т.н. «позиционный

подход», автором которого можно назвать Чарльза Райта Миллса. Данный подход подразумевает, что существует значимая связь между должностью (позицией), занимаемой индивидом или группой, и возможностью принимать ими значимые для общества решения, распоряжаться общественными ресурсами [Миллс, 1959]. Характерно, что обе работы появились как раз в период, когда в СССР находились у власти исследуемые нами политические лидеры. В связи с этим, интересен вопрос о границах власти позднесоветских лидеров, а именно: существовали ли реальные силы, обстоятельства или персоны «второго плана», которые оказывали влияние на принимаемые вождями СССР решения. Приведем несколько примеров.

На XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. был принят новый устав КПСС, в котором было заявлено о необходимости постоянного обновления руководящих партийных кадров [Устав КПСС, 1962]. В ноябре 1962 г. было принято решение о разделении партийного и советского аппаратов по отраслевому принципу – на промышленный и сельскохозяйственный, что повлекло за собой существенные изменения во взаимодействии различных уровней управления. Причины, обстоятельства и условия проводимой реформы довольно подробно описаны исследователями [Региональная политика Н.С. Хрущева, 2009, с. 14–17]. Однако, реализация реформы шла медленно и неоднозначно. Было бы значительным преувеличением считать, что в первой половине 1960-х гг. местные органы власти обладали значительной самостоятельностью. Местные руководители восприняли изменения настроенно, ограничивались преимущественно общими постановлениями и отписками о выполнении планов и приветствии решений, принятых центральными партийными и государственными органами [РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 174]. В центральных архивах (например, в РГАСПИ – фонде отдела партийных органов РСФСР, ГАРФ – фонде Совета Министров РСФСР и др.) сохранилась практически вся переписка между различными уровнями власти, которая подтверждает вывод об отсутствии заметного влияния местных руководителей на принятие важных государственных решений лидерами страны [РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 174, л. 315]. Тем не менее, реформа, задуманная Н.С. Хрущевым для контроля над местными партийными и государственными руководителями, сыграла негативную роль в его политической жизни: отстранение от ведущих должностей в руководстве страной проходило как раз под предлогом «достижения преклонного возраста и ухудшения состояния здоровья», что подразумевало необходимость ротации руководителя государства [Известия, 1964].

В процессе подготовки отставки Н.С. Хрущева представители центрального руководства считали крайне важным выяснить наличие поддержки последнего со стороны местных партийных и государственных органов. В об этом, в частности, упоминается в воспоминаниях Н.С. Хрущева. В них имеется запись о беседе А.И. Галюнова (бывшего начальника охраны Н.Г. Игнатова¹) с А.М. Микояном (министром торговли СССР). Согласно данному разговору, 30 августа 1964 г. в г. Краснодаре состоялась встреча между А.И. Микояном, Н.Г. Игнатовым и другими

---

¹ В рассматриваемый период – председатель Президиума Верховного Совета РСФСР и одновременно – заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР.

представителями руководства страны с первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС Федором Егоровичем Титовым и первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС Георгием Ивановичем Воробьевым, по итогам которых можно было сделать вывод о том, что последние поддерживают решение об отставке Н.С. Хрущева [Хрущев, 1991, с. 83–129].

16 октября 1964 г. на страницах газеты «Правда» появилось короткое сообщение о том, что 14 октября состоялся Пленум ЦК КПСС, который «удовлетворил просьбу т. Хрущева Н.С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья. Пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарем ЦК КПСС т. Брежнева Л.И.». Также уведомлялось, что 15 октября 1964 г. под председательством Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. А.И. Микояна состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР, который «... удовлетворил просьбу тов. Хрущева Никиты Сергеевича об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшения ем состояния здоровья» [Правда, 1964; Свет и тени, 1989]. Председателем Совета Министров СССР Президиум Верховного Совета СССР назначил Алексея Николаевича Косыгина. Тем самым был подведен общий итог под процессом реформирования страны, предложенным правительством, возглавляемым Н.С. Хрущевым.

По мнению авторов сборника «Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг.», смещение Н.С. Хрущева в октябре 1964 г. стало фактом огромной политической значимости, который оказал значительное воздействие на политическое сознание высших советских вождей, так и советской бюрократии в целом. Укрепившаяся партийно-государственная номенклатура продемонстрировала, что она является реальной силой при решении самого важного вопроса – о высшей власти в стране. Это обстоятельство сыграло свою роль в постепенном изменении взаимоотношений между союзным, республиканским и местным руководством в 1970-е гг., в провозглашении курса на обеспечение так называемой кадровой стабильности – несменяемости кадров и ослабления централизованного контроля над местными руководителями. В 1971 г. состоялся XXIV съезд КПСС. В отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева говорилось о необходимости и дальше усиливать влияние первичных партийных организаций на работу предприятий и учреждений» [Брежнев, 1971, с. 122]. В 1970-е гг. исполнительная власть оказалась плотно включена в партийно-государственную вертикаль. Первым лицом в регионе становился первый секретарь обкома (крайкома, окружкома) КПСС, который избирался на региональной партийной конференции. Верховным исполнительным органом власти являлся Исполком Совета народных депутатов (в республиках – Совет Министров), имевший хозяйственную компетенцию. Председатель облисполкома избирался Советом народных депутатов под контролем обкома. В итоге при, казалось бы, сосредоточении всей полноты власти в руках генерального секретаря и членов Политбюро ЦК КПСС, управление в государстве осуществлялось группами политических

и экономических элит, распределенных как территориально, так и по различным секторам хозяйственной жизни в СССР.

Данная ситуация, в свою очередь, способствовала «запуску» подспудных процессов усиления местных этнических элит. В первой половине 1980-х гг. существенно изменились условия деятельности номенклатуры как политического института в СССР. Это было связано с появлением массовых политических кампаний, неизбежными различиями на индивидуальном уровне в понимании политического курса у советских вождей и членов номенклатурной группы, усиливающимися различиями в личных и групповых, отраслевых интересах представителей политической и экономической элиты [Мохов, 2005, с. 94–111]. Ю.В. Андропов, пожалуй, последним из советских вождей предпринял попытку вновь сконцентрировать привилегию принятия единоличных решений в своих руках. Выступая на июньском Пленуме ЦК КПСС 1983 г., он предложил вернуться к позиции о совмещении ответственности производственных и партийных кадров за идеологическое воспитание населения и осуществление контроля над реализацией решений центральных партийных и государственных органов [Материалы Пленума ЦК КПСС, 1983, с. 5]. Именно Ю.В. Андропов и К.У. Черненко фактически заявляли о намерении использовать партийный контроль над обществом и органами власти разного уровня, директивно организовывать общественное мнение.

М.С. Горбачев оказался самым ярким примером из череды «советских вождей», кто в принятии политических решений опирался на общественное мнение, был подвержен влиянию окружения, но при этом в личностном плане сыграл важнейшую роль в развитии государства. Сочетание коллективного влияния и личной ответственности – характерная особенность политического процесса второй половины 1980-х гг. в СССР [Bahry, 1991, p. 215–255].

На видение будущего страны М.С. Горбачевым существенное влияние оказал А.Н. Яковлев. В записке, написанной им в декабре 1985 г., отмечалось, что главные проблемы СССР сосредоточены не в экономике, а в политической системе [Яковлев, 2008]. Следовательно, утверждал А.Н. Яковлев, необходим последовательный и полный демократизм как свобода «выбора лучшего». Демократизация рассматривалась как средство сохранения существующего положения партийного руководства. Реформирование должно было коснуться и органов управления новым государством, в частности, верховная партийная и государственная власть должна была осуществляться Президентом СССР, который одновременно являлся бы и Председателем Коммунистического Союза (Союза коммунистов) СССР, состоявшего из двух партий: Социалистической и Народно-демократической. Однако, на данном этапе уже прослеживается мысль о проведении демократических реформ «сверху», «во имя успокоения и дальнейшего развития страны на прежних идеологических основаниях» [Яковлев, 2001]. С учетом предложений А.Н. Яковлева, на XXVII съезде, прошедшем 25 февраля 1986 г., М.С. Горбачев сделал заявление о вероятности изменений в коммунистической идеологии в качестве реалистической, всесторонней программы действий, органично соединявшей «величие целей и реализм возможностей, планы партии – с надеждами и чаяниями каждого человека» [Горбачев, 1987].

Тем самым, во второй половине 1980-х гг. в процесс принятия решений руководителями государства вмешиваются общественные силы: усиливается низовая инициатива, подталкиваемая самим советским лидером; все глубже становятся различия между готовностью и способностью советских вождей изменять советскую систему и общественными ожиданиями. Так, согласно данным отдела партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС, в 1989 г. по вопросам перестройки партийной работы в ходе отчетно-выборных собраний в первичных и цеховых парторганизациях выступило соответственно 84406 и 93573 человека, что составило 19,1% и 19% от общего количества зарегистрированных коммунистов в СССР. Было высказано свыше 393 тысяч предложений, что в полтора раза больше, чем в 1987 г. [Известия ЦК КПСС, 1990, с. 67]. В адрес центральных органов власти только в 1989–1991 гг. поступило несколько тысяч писем и телеграмм [ГАРФ, ф. А-664, оп. 1, д. 54, л. 33].

Таким образом, ставить вопрос об абсолютной власти для советских вождей позднесоветского периода нам представляется некорректным, поскольку на разных этапах на процесс принятия решений оказывали влияние различные ограничивающие факторы: будь то принципы коллективного руководства, партийные догмы, амбиции местных руководителей или членов номенклатурной элиты высшего и республиканского руководства, общественная инициатива и ожидания, усилившиеся во второй половине 1980-х гг.. В целом, как справедливо писал Жак Ле Гофф, «... общество не может существовать ни без целеполагания, ни без грез и мечтаний. История этих мечтаний и грез — это история мира воображения. История же целей, которыми задается общество, — это история признаваемых им ценностей, образцов деятельности и индивидуумов, и социума в целом» [Ле Гофф, 2005, с. 9]. Позднесоветский период был обществом, нацеленным на первенство во всем. Этой цели было подчинено воображение, грезы и мечтания каждого члена социума — от советского вождя до простого человека. И если общество в целом, либо отдельные слои элитных групп были подвержены «мечтаниям и грезам», то советские вожди, в равной степени оставаясь в плену собственных представлений, вынуждены были ставить конкретные цели и задачи в развитии государства и требовать их осуществления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Авторханов А. Технология власти. М.–СПб.: Слово, 1991. 638 с.

Авторханов А.Г. От Андропова к Горбачеву. Paris: YMCA-Press, 1986. 347 с.

Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. 304 с.

Брежнев Л.И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезд КПСС. 24-й съезд КПСС (30 марта — 9 апреля 1971 года): Стенографический отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1971. С. 26–131.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Москва: Прогресс, 1986–1992.

Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2005. 640 с.

Горбачев М.С. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС. XXVII съезд КПСС. 25 февраля – 6 марта 1986 // Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 3. М.: Политиздат, 1987. 510 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А-664. Оп. 1. Д. 54.

Грошев И.И. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М.: Мысль, 1967. 420 с.

Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. 576 с.

Данные об итогах отчетов и выборов в партийных организациях в 1989 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2 (301). Февраль. С. 65–67.

Информация о Пленуме ЦК КПСС. 14 октября 1964 года. // Правда. 1964. 16 октября.

Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38.

Л.И. Брежнев: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2023. 800 с.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.

М.С. Горбачёв: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2023. 800 с.

Материалы Пленума ЦК КПСС. 14–15 июня 1983 года. М.: Политиздат, 1983. 129 с.

Миллс Р. Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959. 485 с.

Мохов В.П. Номенклатура как политический институт в истории советского общества второй половины XX века // Управленческое консультирование. 2005. № 1. С. 94–111.

Н.С. Хрущёв: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2023. 816 с.

Об освобождении тов. Хрущева Н.С. от обязанностей Председателя Совета Министров СССР. Указ президиума ВС СССР // Известия. 1964. № 247 (1417).

Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 774 с.

Ретроспективный анализ политического наследия Ю.В. Андропова: коллективная научная монография. Санкт-Петербург: Сосновоборский фил. РАНХиГС, 2014. 167 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 14. Д. 174. Л. 315, Д. 179.

Свет и тени «великого десятилетия»: Н.С. Хрущев и его время. Л.: Лениздат, 1989. 472 с.

Устав КПСС // КПСС. Съезд (22; 1961; Москва). Т. 2: Стенограммы 11–20 заседаний. 1962. М.: Госполитиздат, 1962. 608 с.

Хрущев Н.С. Пенсионер союзного значения. М.: Новости, 1991. 413 с.

Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОС-СПЭН, 2018. 622 с.

Юмашева Ю.Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // *Историческая информатика*. 2022. № 1. С. 1–51.

Яковлев А.Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2001. 167 с.

Яковлев А.Н. Перестройка: 1985–1991: неизданное, малоизвестное, забытое. М.: Междунар. фонд «Демократи», 2008. 867 с.

Bahry D. The Union Republics and Contradictions in Gorbachev's Economic Reform // *Soviet Economy*. 1991. № 7. Pp. 215–255.

Communist studies and the social sciences: Essays on methodology a. empirical theory. Chicago: McNally, 1971. 481 с.

Hough Jerry F. The Soviet Union and social science theory. Cambridge (Mass.); London: Harvard univ. press, 1977. 275 p.

Pluralism in the Soviet Union: Essays in the honour of H. Gordon Skilling. London; Basingstoke: Macmillan press, 1983. 179 с.

Prosopography URL: <http://prosopography.modhist.ox.ac.uk/prosopdefinition.htm>. (дата обращения – 20 августа 2024 г.).

Rustov D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dinamic Model // *Comparative Politics*. 1970. № 2. Pp. 337–364.

Streissguth T. Soviet Leaders from Lenin to Gorbachev. Oliver Press, 1992. 160 p.

REFERENCES

Avtorkhanov A. *Tekhnologiya vlasti* [Technology of power]. Moscow, St. Petersburg: Slovo – Tsent: Novyi mir, 1991. 638 p. (in Russian).

Avtorkhanov A.G. *Ot Andropova k Gorbachevu* [From Andropov to Gorbachev. Paris: YMCA-Press, 1986. 347 p. (in Russian).

Aleksandrov-Agentov A.M. *Ot Kollontai do Gorbacheva. Vospominaniya diplomata, sovetnika A.A. Gromyko, pomoshchnika L.I. Brezhneva, Yu.V. Andropova, K.U. Chernenko i M.S. Gorbacheva* [From Kollontai to Gorbachev. Memories of a diplomat, advisor to A.A. Gromyko, assistant to L.I. Brezhnev, Yu.V. Andropov, K.U. Chernenko and M.S. Gorbachev.]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. 304 p. (in Russian).

Brezhnev L.I. *Otchetnyi doklad TsK KPSS XXIV s"ezd KPSS. 24-i s"ezd KPSS (30 marta–9 aprelya 1971 goda): Stenograficheskii otchet*. [Report of the CPSU Central Committee XXIV Congress of the CPSU. 24th Congress of the CPSU (March 30 – April 9, 1971): Verbatim report]. Т. 1. Moscow: Gospolitizdat, 1971. Pp. 26–131 (in Russian).

Brodell' F. *Material'naya tsvivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Civilization and capitalism, 15th–18th century]. Moscow: Progress, 1986–1992 (in Russian).

Voslenskii M. *Nomenklatura* [Nomenclature]. Moscow: Zakharov, 2005. 640 p. (in Russian).

Gorbachev M.S. *Doklad General'nogo sekretarya TsK KPSS. XXVII s"ezd KPSS. 25 fevralya–6 marta 1986*. [Report of the General Secretary of the CPSU Central Committee. XXVII Congress of the CPSU. February 25 – March 6, 1986], in Gorbachev M.S. *Izbrannye rechi i stat'i*. Vol. 3. Moscow: Politizdat, 1987. 510 p. (in Russian).

The State Archive of the Russian Federation (GARF). F.A-664. Inv. 1. D. 54.

Groshev I.I. *Istoricheskii opyt KPSS po osushchestvleniyu leninskoi natsional'noi politiki* [Historical experience of the CPSU in implementing Lenin's national policy]. Moscow: Mysl', 1967. 420 p. (in Russian).

Dal' R. *Demokratiya i ee kritiki* [Democracy and its critics]. Moscow: ROSSPAN, 2003. 576 p. (in Russian).

Dannye ob itogakh otchetov i vyborov v partiinykh organizatsiyakh v 1989 g. [Data on the results of reports and elections in party organizations in 1989], in *Izvestiya TsK KPSS*. 1990. No. 2 (301). Fevral'. Pp. 65–67 (in Russian).

Informatsiya o Plenumе TsK KPSS. 14 oktyabrya 1964 goda [Information about the Plenum of the Central Committee of the CPSU. October 14, 1964], in *Pravda*. 1964. 16 oktyabrya (in Russian).

Korzhhikhina T.P., Figatner Yu.Yu. *Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy deistviya* [Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action], in *Voprosy istorii*. 1993. No. 7. Pp. 25–38 (in Russian).

L.I. *Brezhnev: pro et contra, antologiya* [L.I. Brezhnev: pro et contra, anthology]. St. Petersburg: RKhGA, 2023. 800 p. (in Russian).

Le Goff Zh. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the Medieval West]. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. 560 p. (in Russian).

M.S. *Gorbachev: pro et contra, antologiya* [M.S. Gorbachev: pro et contra, anthology]. St. Petersburg: RKhGA, 2023. 800 p. (in Russian).

Materialy Plenumа TsK KPSS. 14–15 iyunya 1983 goda [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU. June 14–15, 1983]. Moscow: Politizdat, 1983. 129 p. (in Russian).

Mills R. *Vlastvuyushchaya elita* [The Power Elite]. Moscow: Inostrannaya literatura, 1959. 485 p. (in Russian).

Mokhov V.P. *Nomenklatura kak politicheskii institut v istorii sovetskogo obshchestva vtoroi poloviny KhKh veka* [The nomenclature as a political institution in the history of Soviet society in the second half of the twentieth century], in *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2005. No. 1. Pp. 94–111 (in Russian).

N.S. *Khrushchev: pro et contra, antologiya* [N.S. Khrushchev: pro et contra, anthology]. St. Petersburg.: RKhGA, 2023. 816 p. (in Russian).

Ob osvobozhdenii tov. Khrushcheva N.S. ot obyazannostei Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR. Ukaz prezidiumа VS SSSR [On the release of Comrade Khrushchev N.S. from the duties of Chairman of the Council of Ministers of the USSR. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR], in *Izvestiya*. 1964. No. 247 (1417) (in Russian).

- Regional'naya politika N.S. Khrushcheva. TsK KPSS i mestnye partiinye komitety. 1953–1964 gg.* [Regional policy of N.S. Khrushchev. The Central Committee of the CPSU and local party committees. 1953–1964]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 774 p. (in Russian).
- Retrospektivnyi analiz politicheskogo naslediya Yu. V. Andropova: kollektivnaya nauchnaya monografiya* [Retrospective analysis of the political legacy of Yuri Andropov]. St. Petersburg: Sosnovoborskii fil. RANKhiGS, 2014. 167 p. (in Russian).
- The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 556. Inv. 14. D. 174.
- Svet i teni «Velikogo desyatiletia». N.S. Khrushchev i ego vremena* [Light and shadows of the “great decade”: N.S. Khrushchev and his time]. Leningrad: Lenizdat, 1989. 472 p. (in Russian).
- Ustav KPSS* [Charter of the CPSU], in *KPSS. S"ezd (22; 1961; Moskva)*. Vol. 2: Stenogrammy 11–20 zasedaniy. 1962 Moscow: Gospolitizdat, 1962. 608 p. (in Russian).
- Khrushchev N.S. *Pensioner soyuznogo znacheniya* [Pensioner of Union significance]. Moscow: Novosti, 1991. 413 p. (in Russian).
- Shattenberg S. *Leonid Brezhnev. Velichie i tragediya cheloveka i strany* [Leonid Brezhnev. The Greatness and Tragedy of Man and Country]. Moscow: ROSSPAN, 2018. 622 p. (in Russian).
- Yumasheva Yu.Yu. Prosopografiya: k voprosu o periodizatsii primeneniya metoda v istoricheskikh issledovaniyakh [Prosopography: on the issue of periodization of the application of the method in historical research], in *Istoricheskaya informatika*. 2022. No. 1. Pp. 1–51 (in Russian).
- Yakovlev A.N. *Omut pamyati* [The Pool of Memory]. Moscow: Vagrius, 2001. 167 p. (in Russian).
- Yakovlev A.N. *Perestroika: 1985–1991: neizdannoe, maloizvestnoe, zabytoe* [Perestroika: 1985–1991: Unpublished, Little-Known, Forgotten]. Moscow: Mezhdunar. fond “Demokratiya”, 2008. 867 p. (in Russian).
- Bahry D. The Union Republics and Contradictions in Gorbachev's Economic Reform, in *Soviet Economy*. 1991. No. 7. Pp. 215–255.
- Communist studies and the social sciences: Essays on methodology a. empirical theory*. Chicago: McNally, 1971. 481 p.
- Hough Jerry F. *The Soviet Union and social science theory*. Cambridge (Mass.); London: Harvard univ. press, 1977. 275 p.
- Pluralism in the Soviet Union: Essays in the honour of H. Gordon Skilling*. London; Basingstoke: Macmillan press, 1983. 179 p.
- Prosopography* [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://prosopography.modhist.ox.ac.uk/prosopdefinition.htm> (accessed 20 August 2024).
- Rustov D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dinamic Model, in *Comparative Politics*. 1970. No. 2. Pp. 337–364.
- Streissguth T. *Soviet Leaders from Lenin to Gorbachev*. Oliver Press, 1992. 160 p.